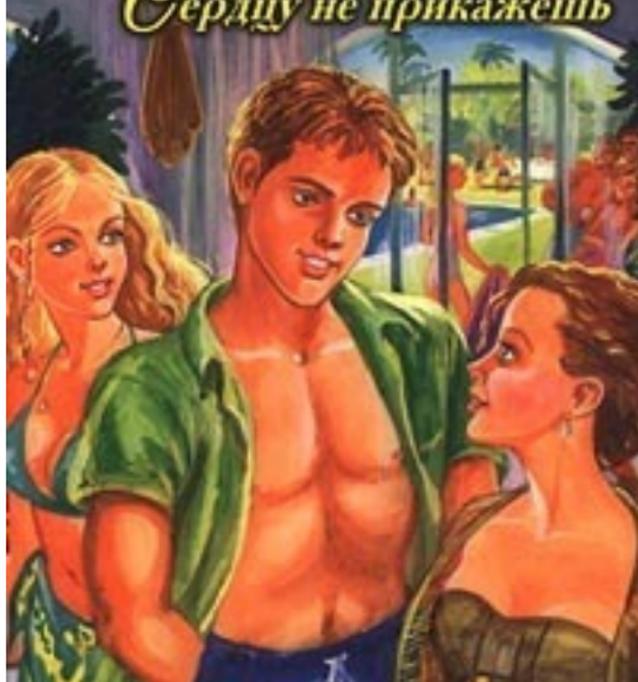

Школа в Ласковой Волне

Френсин Паскаль

Минутный друг
Сердцу не прикажешь

Фрэнсин Паскаль
Таинственный приятель
Серия «Школа в Ласковой
Долине», книга 19

OCR Roland; SpellCheck Аваричка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157621

Таинственный приятель; Сердцу не прикажешь: Вагриус; Москва; 2001

ISBN 5-264-00578-8

Аннотация

Популярнейшая серия «Школа в Ласковой Долине» рассказывает о приключениях сестер-близнецов Уэйкфилд из маленького американского городка. Сестры Элизабет и Джессика ссорятся и мирятся, влюбляются в одноклассников и мучаются от неразделенной любви, участвуют в веселых мероприятиях и попадают в опасные ситуации.

Джек полон тайн и загадок. В него влюбляются первые красавицы школы Джессика и Лила. Но кто же завоюет сердце юноши?

Содержание

1	4
2	22
3	31
4	47
5	60
6	73
7	84
8	100
9	111
10	126
11	135
12	149
13	163

Фрэнсин Паскаль

Таинственный приятель

1

– Я просто сгораю от нетерпения увидеть таинственного знакомого Лилы, – заявила своей сестре Джессика Уэйкфилд, когда они мыли посуду после воскресного завтрака. Ее зеленовато-голубые глаза блестели от возбуждения.

– Судя по отзывам, этот парень – что-то необыкновенное. – Она отнесла гору собранных со стола тарелок на кухонный стол.

– Ну, сегодня у тебя наверняка будет достаточно времени, чтобы как следует его разглядеть, – заметила Элизабет, сбрасывая остатки пищи с тарелок и аккуратно загружая их в посудомоечную машину. – Насколько я знаю Лилу Фаулер, она, вероятно, придумала эту вечеринку у бассейна, чтобы заманить его в дом и всем показать, – Лиз добродушно рассмеелась.

– Не говоря уже о том, чтобы продемонстрировать ему владения Фаулеров во всем их великолепии, – добавила Джессика, имея в виду раскинувшееся на огромной территории имение, где жила ее подруга Ли́ла Фаулер. – Честное слово, Ли́ла не перестает хвастаться своим богатством.

Джессика произнесла это с презрением, но Элизабет показалось, что в ее голосе прозвучала и нотка зависти.

– Как бы там ни было, но Лила выбрала идеальный день для вечеринки на открытом воздухе. Там будет чудесно.

Через широко открытые окна в облицованную испанским кафелем кухню проникали яркие лучи утреннего солнца.

– Особенно, если этот Джек действительно так сказочно хорош, как утверждает Лила, – добавила Джессика.

Элизабет пристально посмотрела на сестру.

– Джессика Уэйкфилд, уж не думаешь ли ты сама приударить за новым парнем Лилы?

– Не думаю? – спросила Джессика с наигранной невинностью. – А почему бы и нет, если он так хорош?

– Но послушай, Джес. – Элизабет удивленно встряхнула головой, и ее белокурые волосы блеснули в солнечных лучах. – Ты ведь еще даже не видела его.

– Ну и что? У Лилы очень хороший вкус – этого у нее не отнять. И, судя по тому, как она сходит с ума по Джеку, он даст сто очков вперед всем парням в Ласковой Долине, вместе взятым.

– А как же Лила? – Элизабет закончила загружать посудомоечную машину и поставила в раковину сковородку с оставшимся на ней жиром и грязную кастрюлю. – Ведь она твоя подруга, и она первая познакомилась с ним.

– Ну, а я познакомлюсь с ним вторая. – Джессика уселась на кухонный стол, наблюдая за тем, как ее сестра управляет-

ся с посудой.

Элизабет вздохнула. Иногда ее сестра оставалась полностью глуха к доводам разума. Джессика была младше ее всего на четыре минуты, но в ситуациях, подобных этой, Элизабет казалось, что эта разница в возрасте больше походила на четыре года. При полном внешнем сходстве – от безупречного телосложения до белокурых волос, спадающих им на плечи, и ослепительных улыбок – но своему характеру сестры разительно отличались друг от друга.

Джессике нравилось находиться в гуще событий, и не было такого трюка, к которому она не прибегла бы, чтобы постоянно быть в центре внимания. Элизабет же часто можно было увидеть в одиночестве, сосредоточенно работающей над статьей для школьной газеты «Оракул». Свободный вечер она предпочитала спокойно провести в обществе Тодда Уилкинза, ее постоянного парня, или лучшей подруги Инид Роллинз.

Но сейчас вниманием Элизабет полностью завладела ее сестра.

– А что будет с Нейлом Фримаунтом? – спросила она.

– С Нейлом? Мы с ним просто хорошие друзья, – ответила Джессика. – Ну да, на эту вечеринку я иду с ним, но он ничего не имеет против, когда я общаюсь с другими ребятами. Точно так же и я не буду на него в обиде, если он станет уделять внимание другим девочкам.

– Но он этого никогда не делает, Джес, – сурово сказала

Элизабет. Джессика пожалала плечами.

– Это его дело. Знаешь, Лиз, – она рассмеялась, – я ничего не могу поделать с тем, что все мальчишки сходят по мне с ума.

Элизабет изо всех сил старалась сохранить серьезное выражение лица, но все-таки не смогла удержаться от смеха:

– Ладно, Джес. Я сдаюсь. Ты очаровательна и неотразима.

Джессика ухмыльнулась:

– Продолжай, продолжай, Лиз. Элизабет расхохоталась:

– Продолжаю. Ты умна и прекрасно танцуешь. А что касается твоих успехов в команде болельщиц, то тебе нет равных во всей Ласковой Долине. И вообще, что бы ты ни делала, ты непревзойденна.

– Конечно, – Джессика энергично кивнула.

– Но от тебя останется только мокрое место, если ты сейчас же не возьмешь полотенце и не начнешь вытирать эти кастрюли и сковородки. И тогда ты уж точно не познакомишься с легендарным Джеком.

– Ну, этого нельзя допустить, правда? – Джессика подняла руку в шутовском салюте и, соскочив со стола, принялась за работу.

Выйдя из бассейна, Элизабет легла на большое пляжное полотенце рядом с Тоддом Уилкинзом, подставив лучам солнца свое гибкое, загорелое тело. По одну сторону от них находился огромный особняк Фаулеров с внутренним двориком в испанском стиле; по другую – раскинулись без-

упречно ухоженная лужайка и сады. Отсюда же открывался живописный вид на лежащую далеко внизу Ласковую Данину.

– Красивый вид отсюда, а? – заметил Тодд.

Элизабет кивнула, окинув взглядом утопающий в зелени калифорнийский ландшафт.

Тодд повернулся набок лицом к Элизабет.

– Но отсюда мне открывается вид получше. – Он взял Элизабет за руку и улыбнулся ей той необыкновенной улыбкой, от которой у нее каждый раз начинало учащенно биться сердце.

– Ну, ты и сам не такое уж скверное зрелище, – ответила, поддразнивая его, Элизабет.

Стройная мускулистая фигура Тодда, его теплые карие глаза, упавшая на лоб прядь темных волос – все это всколыхнуло в ней чувство глубокой любви. Потянувшись к нему, она его с нежностью поцеловала.

– Послушайте, что здесь происходит? – раздался над ними смеющийся девичий голос.

Подняв глаза, Элизабет увидела, что через лужайку к ним идет ее подруга Инид Роллинз со своим другом Джорджем Уорреном, только что поступившим в местный колледж.

– Ну вот, попались на месте преступления, – с улыбкой проговорила Элизабет, когда Инид и Джордж расстелили рядом с ними свои полотенца. – Где же вы пропадали? Я было подумала, что вы решили не приходить на эту вечеринку.

– У Джорджа был тренировочный полет, – объяснила Инид. – А я поехала на аэродром, чтобы встретиться с ним там, когда он освободится.

– Да, конечно, – кивнула Элизабет. – Я и забыла: сегодня полетный день. Тебе нравится летать, Джордж?

Джордж ухмыльнулся:

– Это просто фантастика. Ты себе даже представить не можешь, какое необыкновенное ощущение испытываешь, когда паришь в небе, сидя в кабине своего собственного самолета. – Он посмотрел на яркое, безоблачное небо, как бы ища там подтверждения своим словам.

– То же самое говорит и моя подруга Робин Уилсон, – сказала Элизабет. – Она тоже учится летать.

– Робин? Она у нас лучшая ученица, – заметил Джордж.

– Если не считать тебя, – пошутила Инид, и в ее зеленых глазах вспыхнули искорки.

– Ну а как же иначе? – отшутился Джордж, нежно похлопав по руке свою подругу.

– Итак, мистер суперпилот, когда ты сдаешь экзамен на летчика? – спросил Тодд.

– Через две недели, начиная со вчерашнего дня, – ответил Джордж. – И вы с Лиз будете первыми, кого я возьму полетать, – после Инид, конечно.

Внезапно со стороны бассейна раздался громкий взрыв хохота. Повернувшись туда, четверо друзей увидели считавшегося школьным клоуном долговязого Уинстона Эгбер-

га из предпоследнего класса. Уинстон подначивал красавца Николаса Морроу наперегонки переплыть туда и обратно бассейн по-собачьи. Элизабет рассмеялась, глядя на Уинстона и Николаса, изо всех сил молотящих по воде руками и старающихся удержать головы на ее поверхности.

Веселье зрителей оказалось заразительным, и скоро Уинстон и Николас тоже начали хохотать. Выплывая из рта воду и обгоняя друг друга, они торопились доплыть до глубокого края бассейна и повернуть назад. Ребята, стоявшие вокруг, громкими криками приветствовали обоих, когда они одновременно коснулись стенки бассейна.

Чуть поодаль полным ходом шла игра в бадминтон, а совсем рядом Оливия Дэвидсон, художественный редактор «Оракула», наигрывала на гитаре. Окружившая ее группа ребят что-то громко пела.

– Чудесная вечеринка, – заметила Инид.

– Да, но кое-кого пока нет. – Элизабет, обернувшись, посмотрела в сторону пальмовых деревьев, росших по одну сторону огромного дома.

Под ними в полном одиночестве сидела Лила Фаулер.

– Таинственный гость Лилы пока еще не прибыл.

«И не только Лила раздосадована его отсутствием», – подумала Элизабет. Джессика провела лучшее время этого солнечного дня в окружении своих верных друзей – Кары Уокер, Пепла Фримаунта и нескольких других поклонников. Но, стараясь, чтобы этого никто не заметил, она то и дело

бросала взгляды через плечо, чтобы не пропустить кого-либо из вновь прибывших гостей. Большинству ребят на вечеринке казалось, что Джессике очень весело. Но обмануть сестру ей не удалось: Элизабет знала, что Джессика разочарована.

– Да, жаль, что он не пришел, – сказала Инид. – Мне и самой не терпелось увидеть нового приятеля Лилы. Ведь не для каждого же встречного она стала бы устраивать такие приемы. – Она указала на буфетный стол, накрытый прямо здесь, во внутреннем дворике.

На столе стояли подносы со свежими ягодами, виноградом, вишнями и разрезанными на дольки дынями и ананасами. Там были и красиво уложенные крошечные пирожки и пирожные, заморские сыры, несколько видов крекера, холодный говяжий филей, сырые овощи и большой выбор соусов. Над столом был установлен навес в красно-белую полоску, чтобы защитить все эти яства от солнечных лучей. Элизабет наблюдала, как чемпион по серфингу Билл Чейз и его подруга Диди Гордон доверху наполнили свои тарелки.

– Да, угощение на славу, – сказал Тодд, голодными глазами оглядывая стол. – Не снять ли и нам пробу?

– Обязательно! – ответил Джордж, и обе пары прямиком отправились к буфетному столу.

Элизабет все никак не могла сделать выбор между яблочным пирогом и рожком с изюмом и корицей, когда послышался восторженный голос Лилы:

– Джек, я так рада, что ты все-таки пришел. Без тебя этот день прошел бы скучно.

Повернувшись, Элизабет увидела, что Лила подошла к высокому, хорошо сложенному молодому человеку. Его мускулистые руки и красивое лицо были покрыты темным загаром, а в темно-русых волосах виднелись выгоревшие на солнце пряди. Одет он был довольно консервативно: в шорты цвета хаки, зеленую хлопчатобумажную рубашку и кроссовки.

«Значит, он-таки пришел. Джессика будет счастлива», – подумала Элизабет.

– Ну и ну! – заявила Кара Уокер, остановившаяся рядом с Элизабет у стола. – Лила оказалась права: он действительно потрясающий парень. – Она проводила Джека восторженным взглядом, когда он в сопровождении Лилы пошел к бассейну.

Джессика, сидевшая на лужайке рядом с Нейлом, тоже заметила прибытие Джека.

«Вот это да! – подумала она. – Если раньше я не собиралась всерьез отбивать его у Лилы, то теперь...» Она следила за каждым движением этого красивого парня, пока его представляли ребятам у бассейна.

– Нейл, – сказала Джессика, – не знаю, как ты, а я так прямо умираю от жары. Пожалуй, я окунусь. – Не дожидаясь ответа, Джессика вскочила и помчалась к бассейну и к Джеку.

Не доходя до него нескольких метров и удостоверившись

в том, что он смотрит в ее сторону, Джессика скинула с себя, махровый пляжный халат и осталась в бирюзовом бикини, открывавшем подробности ее безупречной фигуры. Она забралась на трамплин и, не медля ни секунды, прыгнула в воду, сделав при этом грациозное сальто назад.

– Хороший прыжок, – заметил Джек, обращаясь к Лиле.

– Ничего, – уклончиво ответила Лила.

Через секунду Джессика вынырнула на поверхность. Она посмотрела на Лилу и Джека и помахала им.

– Давайте сюда, вода изумительная. – Она радостно улыбнулась.

– И правда, хорошо бы искупнуться, – услышала Джессика слова Джека, обращенные к Лиле. – Пойдем?

– Ну что ж, – пробормотала Лила без всякого энтузиазма.

Ее совсем не радовала перспектива делить с Джессикой внимание Джека.

– Вон там ты сможешь переодеться в купальный костюм.

– Она указала на маленькую кабинку у края бассейна.

Когда Джек отошел, Джессика придирчиво оглядела Лилу. Ее русые волосы были зачесаны назад и заплетены в уложенную на затылке косу – ей очень шла такая прическа. Ее блестящее черное бикини было таким же открытым, как и у Джессики, а стройная фигура Лилы была почти так же хороша.

«Почти», – отметила про себя Джессика.

Она перевела взгляд на Джека, появившегося из кабинки

в темно-синем купальном костюме.

«О, боже, – подумала она, – чем меньше на нем надето, тем красивее он становится!»

Она проследила за тем, как Лила подошла к Джеку, стоявшему у края бассейна, и осторожно опустила ногу в воду.

– После тебя, – галантно обратился Джек к своей хозяйке.

Лила вошла в бассейн, и Джек нырнул вслед за ней. Когда он вынырнул, Джессика оказалась рядом с ним.

– Привет, – сказала она ему с ослепительной улыбкой. – Нас с тобой еще не познакомили.

Не теряя времени, Лила подплыла к Джессике и Джеку и заняла положение между ними.

– Это моя хорошая подруга Джессика Уэйкфилд, – сказала она, рассекая руками воду.

На какую-то долю секунды Лила повернулась к Джеку спиной и бросила на Джессику ледяной взгляд. Затем она снова посмотрела на Джека и мило улыбнулась:

– Джес, а это мой новый друг Джек.

– Очень рад с тобой познакомиться, Джессика, – приветливо сказал он.

– Взаимно, – ответила Джессика, сделав по воде круг и снова очутившись рядом с ним.

Как в музыкальной игре на воде, Лила опять заняла место между ними и повернулась лицом к Джеку.

– Сплаваем несколько раз туда и обратно? – спросила она, пытаясь отделаться от Джессики.

– Давай, – с готовностью согласился Джек.

Лиля перевернулась на спину и сделала несколько гребков.

– Позднее, Джес, – проговорила она многозначительно.

– Скоро увидимся, – сказал Джек.

– Ты можешь рассчитывать на это, – ответила Джессика, проигнорировав посланный ей Лилой сигнал «руки прочь».

Наблюдая за тем, как они плывут, Джессика отметила про себя, какими сильными и уверенными были взмахи рук Джека. Через каждые несколько метров он останавливался, поджидая Лилу.

«Он настоящий джентльмен», – подумала Джессика.

Это был парень именно такого типа, который мог ей понравиться. Теперь дело было за малым: нужно было улучшить момент, чтобы остаться с ним наедине.

Это оказалось намного труднее, чем предполагала Джессика. Лиля не отпускала от себя Джека даже на минутку и, взяв его под руку, переходила вместе с ним от одной группы гостей к другой. Джек, казалось, всех очаровал. Он был очень вежлив, но без всякого намека на чопорность. К каждому человеку, с которым его знакомили, он относился с искренним интересом, и при стольких достоинствах в нем не было ни тени хвастливости. Более того, о себе самом он, пожалуй, не сказал ни слова. Будучи в центре всеобщего внимания, он оставался для всех загадкой – загадкой, которую с каждой минутой Джессике все больше хотелось разгадать.

Но время шло, а Джессике все не удавалось снова поговорить с Джеком. Наконец, она заметила, что возле площадки для игры в бадминтон Лила знакомит его с Элизабет, Тоддом, Николасом Морроу и Эроном Далласом.

– Извини, – сказала Джессика Кену Мэтьюзу, рассказывающему ей о новых трюках, которые он научился проделывать на водных лыжах. – Я вспомнила, что должна сказать кое-что своей сестре. – Стараясь не упустить своего шанса, она опрометью бросилась к ним и успела услышать конец сказанной Джеком фразы.

– ...но мне казалось, что до этого на тебе был другой купальный костюм, – говорил он Элизабет, которая была в простом кремовом закрытом купальнике.

Подойдя к ним, Джессика обняла сестру за плечи. Взглянув на Джека, она увидела, что с ее появлением он все понял.

– Теперь все ясно. Близнецы. – Джек рассмеялся.

Элизабет протянула ему руку.

– Я – Лиз, – сказала она.

– Рад познакомиться с тобой. Меня зовут Джек.

– А это – Тодд и Эрон, – представила их Элизабет. – И Николас.

Пожимая Джеку руку, Николас с любопытством посмотрел на него.

– Джек, твое лицо кажется мне очень знакомым, – заметил он. – Мы где-то встречались?

Впервые после своего появления Джек слегка смутился.

– Нет. Я не представляю, где мы могли встречаться раньше, – проговорил он, запинаясь.

– Может быть, в спортивном мореходном лагере? – спросил Николас. – Я в детстве часто ездил в лагерь Тила Локка в Нью-Хемшпире. – Джек покачал головой. – Хмм. Ну, тогда Виноградники Марты? У нас был там летний домик.

– Нет, – сказал Джек, переминаясь с ноги на ногу.

Джессике показалось, что все эти вопросы ему очень не нравились, но она никак не могла понять почему.

– Ты никогда не бывал на Восточном побережье? – настаивал Николас. – Мы недавно переехали оттуда.

Джек смотрел себе под ноги.

– Я там бывал, – пробормотал он. – Но не могу припомнить, что мы с тобой там встречались.

– Может быть, ты знаком с моей сестрой Региной Морроу?

Сестра Николаса, одноклассница близнецов, была глухой от рождения и теперь проходила курс хирургического лечения в специальной клинике в Швейцарии.

– Нет, это имя мне не знакомо. – Джек покачал головой.

– Значит, мне показалось, – сказал Николас. – Вероятно, ты просто похож на кого-то из моих знакомых. – Но в его голосе прозвучало сомнение. – Ну как бы там ни было, – он махнул рукой, – мы собираемся сыграть в бадминтон. Хотите принять участие?

– Нет, я хотела показать Джеку новый спортивный зал, который строит мой отец, – торопливо ответила Лила.

Джессика догадалась, что до окончания вечеринки Лила хочет найти предлог, чтобы побыть с Джеком наедине. Часть гостей уже ушла, так что это был ее последний шанс. Но Джессика также была намерена провести остаток вечера с Джеком, и точка зрения Лилы по этому поводу ее нисколько не волновала.

– Мне тоже очень хочется увидеть спортивный зал, – заявила она.

Вид у Лилы был очень недовольный, но поделаться с этим уже ничего было нельзя. Возмущенно расправив плечи, она повела Джека и Джессику в свой огромный дом. Когда они вошли в холл, в котором висела громадных размеров картина в абстрактном стиле, несомненно, безумно дорогая, до них донесся слабый телефонный звонок.

Лила скорчила недовольную гримасу.

– И у слуг, как назло, сегодня выходной. Придется отвечать. – Она перевела взгляд с Джека на Джессику и сильно прикусила нижнюю губу, увидев радостное лицо Джессики.

Раздраженно вздохнув, Лила все-таки побежала к телефону.

Наконец-то Джессика дождалась своего часа. Приблизившись к Джеку почти вплотную, она сказала:

– Не думаю, что мне приходилось где-нибудь встречать тебя раньше. Потому что если бы я тебя увидела, то обязательно запомнила бы. – Ее голос был сладким, как кленовый сироп. – Ты совсем недавно переехал в Ласковую Долину?

– Я здесь живу уже несколько месяцев, – любезно ответил Джек.

– Ты учишься в местной школе? – спросила Джессика.

– Нет, у меня сейчас перерыв между школой и колледжем. Я хочу какое-то время пожить самостоятельно, – объяснил он. – Но расскажи мне лучше о себе.

Джессика сделала это с радостью. Она рассказала ему о том, что она одна из капитанов команды болельщиц школы Ласковой Долины; она сообщила ему немного о своих родителях – мистере Уэйкфилде, известном юристе, и миссис Уэйкфилд, дизайнере по интерьерам.

– У меня есть брат Стивен, в этом году поступивший в колледж, а с моей сестрой Лиз ты уже познакомился, – закончила Джессика.

Джек кивнул:

– Вы самые красивые близнецы из всех, кого мне пришлось видеть.

У Джессики участился пульс. Джека она явно заинтересовала. Иначе и быть не могло.

– Послушай, – решительно сказала она. – Мне бы хотелось узнать тебя получше.

Джек улыбнулся.

– Почему бы тебе как-нибудь не позвонить мне, – продолжала она, – и мы могли бы вместе поужинать или придумать еще что-нибудь. – На словах «еще что-нибудь» она сделала многозначительный акцент.

– Это было бы здорово, – согласился Джек.

На лице Джессики появилась торжествующая улыбка.

– Уверена, что мы потрясающе проведем время, – сказала она. – Я дам тебе номер своего телефона.

Она оглянулась вокруг, пытаясь отыскать ручку или карандаш, но на маленьком столике из стекла и металла не было ничего, кроме коробка спичек. Она быстро схватила его, зажгла спичку и тут же задула пламя. Затем обгорелым концом спички она записала свой номер на внутренней поверхности коробка и со словами «вот, возьми» сунула его в руку Джека, коснувшись при этом его пальцев.

При этом прикосновении оба они почувствовали приятное волнение, но в эту минуту Джессика услышала шаги Лилы. Отдернув руку, она сделала шаг назад.

– Так ты собирался рассказать мне, что же ты все-таки делаешь здесь, в Ласковой Долине, – сказала она с невинным видом, когда в холл вошла Лила.

– Разве? – Джек выглядел слегка изумленным.

– Может быть, стоит сказать ей, Джек. – Подойдя, Лила по-собственнически положила руку ему на плечо. – Рано или поздно, тебе все равно придется открыть свой секрет.

– Да, ты права, – ответил Джек.

«Вот оно, – подумала Джессика. – Он известный актер, но никто не может вспомнить, где он снимался. Или нет, он, вероятно, страшно богат, и ему незачем где-то работать. Может быть, он даже из какого-то знатного аристократического

рода. Это именно тот человек, с которым мне хотелось бы показаться на людях».

Джек повернулся к Джессике.

– Дело в том, Джес, – он сделал глубокий вздох, – что я работаю на стройке.

2

Ли́ла лежала в шезлонге у бассейна, потягивая чай со льдом. Солнце уже готово было скрыться за окружающими Ласковую Долину горами, и в небе пламенел багровый закат. Рядом с ней был Джек. Все остальные гости разошлись.

В конце вечеринки ей удалось не подпускать больше Джессику к Джеку. Вернее будет сказать, что Джессика сама предпочла держаться на расстоянии, иногда поглядывая в сторону Джека и пребывая в нерешительности, стоит ли ей компрометировать себя, находясь в обществе простого строительного рабочего. Джессика всегда считала, что для нее годились только самые богатые и известные парни из знатных семей, и обычно Ли́ла тоже следовала этому правилу. Но в данном случае Ли́ла была уверена, что Джек не мог быть заурядным рабочим со стройки. Одежда, поведение, все его манеры были аристократическими. Он определенно был не тем человеком, за которого старался себя выдать.

По-видимому, к тому времени, когда вечеринка закончилась, Джессика пришла к такому же выводу. Уходя вместе с Нейлом Фримантом, она в отсутствие Джека (он зашел в дом, чтобы позвонить по телефону) прошептала хозяйке:

– Ли́ла, ты ведь не думаешь, что он действительно простой рабочий, я имею в виду – из самых низов?

Ли́ла уклончиво пожала плечами.

– Вероятно, нам придется поверить тому, что он говорит.
– Она не подала виду, что думает так же, как Джессика, и что подозревает присутствие в его жизни какой-то тайны. Но теперь настало время узнать, что же это была за тайна.

Лила придвинула свой шезлонг чуть ближе к шезлонгу Джека.

– Так чем ты занимался до переезда в Ласковую Долину? – спросила она как бы невзначай, глядя на его классический профиль, четко вырисовывающийся в надвигающихся сумерках.

– Такой же работой на стройке, только в другом городе, – ответил Джек.

Помолчав несколько секунд, Лила сказала:

– Как странно. Хоть я и видела тебя за работой, видела, как ты управляешься с кувалдой и так далее, у меня такое впечатление, что ты относишься совсем к другому типу людей. Не потому, что есть что-то унижительное в этой работе, – быстро прибавила она, боясь задеть его самолюбие.

– И к какому же типу я, по-твоему, отношусь? – спросил Джек.

– Ну... – Лила задумчиво сделала глоток чаю. – Ты, мне кажется... я не знаю... мне кажется, что ты должен заниматься чем-то более важным, что твое предназначение состоит в чем-то более значительном... – Она замолчала, пытаясь найти нужные слова.

– Значит, ты не считаешь важным делом строительство

домов, подведение водопроводных магистралей и прокладку дорог? – спросил Джек.

Тем не менее было заметно, что слова Лилы были ему приятны.

– Да нет, я совсем не то хотела сказать. Я имела в виду...
– Лила так и не закончила фразы.

– Я знаю, что ты имеешь в виду, – пришел ей на помощь Джек. – Я только поддразнивал тебя. На самом деле я очень польщен.

– Но ты действительно целый день работаешь на стройке?
– спросила она.

Первой реакцией Лилы было горькое разочарование. Когда он утвердительно кивнул, все ее радужные надежды лопнули как мыльный пузырь. Но вслед за этим она испытала чувство облегчения от того, что ее отец не смог вернуться домой из служебной командировки до окончания вечеринки. Это именно он звонил некоторое время назад, чтобы сообщить о задержке своего рейса. Он сказал, что вернется на день позже, чем планировал. Тогда это огорчило Лилу. Она и без того мало времени проводила с отцом. Но теперь она была рада его отсутствию. Каким бы необычным строительным рабочим ни был Джек, она твердо знала, что ее отец не одобрит этого знакомства. Даже в том случае, если бы Джек был просто ее гостем на вечеринке.

– Но дело в том, Лила, – голос Джека прервал ее мрачные мысли, – что моя прошлая жизнь была совсем не похожа на

жизнь моих товарищей по работе.

– Не похожа? – переспросила Лила.

У нее появился какой-то проблеск надежды.

– Нет. Лила, ты можешь хранить тайну?

– Конечно! – воскликнула Лила.

Она все же оказалась права! Джек скрывал что-то очень важное о себе. И сейчас он приоткроет перед ней завесу своей тайны!

– Ты обещаешь, что об этом не узнает ни одна живая душа? – настаивал Джек.

Лила торжественно кивнула.

– Я ушел из дому больше года тому назад. – Джек выпил последний глоток остававшегося в стакане чая. – Мой отец – очень могущественный человек и привык распоряжаться жизнью всех, кто его окружает. Включая меня. Он отправит меня в «подходящий» летний лагерь, в «подходящую» частную школу и собирался послать меня в Пристонский университет, где учился он сам, а еще раньше – мой дед. Он уже распланировал мою жизнь на много лет вперед. И я должен был быть чем-то вроде марионетки, которой бы он управлял, дергая за веревочки.

Лила сочувственно покачала головой, но ей пришлось призвать на помощь все свое самообладание, чтобы тут же не вскочить и не пройтись колесом. Она же чувствовала, что все именно так и есть. Джек принадлежал к высшему обществу и, конечно, происходил из семьи, не менее богатой, чем

ее собственная. Он был прекрасной партией для нее, лучше и не придумаешь.

Но нужно было вести себя соответственно обстоятельствам, и Лила напустила на себя сочувственно-серьезный вид.

– Да, тебе пришлось нелегко, – произнесла она соболезнующим тоном. – Кто же все-таки твой отец, что он так привык распоряжаться людьми? – В ее воображении тут же замелькали фигуры известных политических деятелей, голливудских магнатов и владельцев крупных корпораций.

– Послушай, Лила, тебе совсем необязательно знать, кто мой отец и чем он занимается. Я хочу быть самостоятельным человеком, а не просто сыном своего отца.

Его слова произвели на Лилу очень сильное впечатление.

– Мне кажется, я тебя понимаю. Иногда я чувствую, что я дочь Джорджа Фаулера – и больше никто. – Это было правдой, однако сплошь и рядом Лила сама давала понять, что она дочь одного из самых богатых людей в Ласковой Долине.

– Я рад, что ты понимаешь. – Потянувшись к ней, Джек благодарно сжал ее руку. – Я не хочу возвращаться домой до тех пор, пока не стану тем, кем хочу, начиная с самой нижней ступеньки. Мне не нужны никакие особые привилегии, которые мне якобы положены, и только потому, что я родился в сорочке. – Джек замолчал и, откинув назад голову, взглянул на темно-багровое небо. – Но иногда, – у него вырвался тоскливый вздох, – иногда я очень скучаю по своей маленькой

сестренке. Разлука с ней очень омрачает мою жизнь. И для нее все это тоже очень тяжело. Наша мама умерла несколько лет назад, так что теперь у Валери остался только папа.

Когда он говорил о своей сестре, Лила уловила столько нежности в его голосе, что с трудом удержалась от желания сразу же броситься в его объятия.

«Какая у него прекрасная душа», – подумала она.

Он все продолжал рассказывать о Валери, и было заметно, что это действует на него успокаивающе.

– Нам было так хорошо вместе; мы часто бродили по лесу, который начинался сразу за дедушкиным домиком в Швейцарии, или прятались от Вероники. Она была нашей гувернанткой, эта старая парижанка. Отец хотел, чтобы мы свободно говорили по-французски, а когда мне было десять, а Валери восемь лет, он заставил нас учить латынь.

Лила раскинулась в шезлонге, безмерно счастливая от того, что Джек открывает ей свою душу. Но его рассказ о своем прошлом был прерван звуком машины, подъезжающей по частной дороге к имению Фаулеров.

– О боже! – воскликнула Лила. – Папа вернулся. Наверное, ему все же удалось попасть на сегодняшний рейс. – Внезапно ее охватила паника. Стремление Джека к независимости могло вызвать восхищение, на Лилу это и в самом деле произвело сильное впечатление, но что касается ее отца: непослушный сын был ничуть не лучше рабочего со стройки.

Джек понял, что ее тревожит.

– Может быть, мне лучше уйти, пока твой отец меня не увидел? – предложил он.

Лила кивнула.

– Он... эээ... не разрешает мне приводить сюда мальчиков, когда я одна, – солгала она.

На самом деле, в отсутствие мистера Фаулера Лила поступала как ей заблагорассудится. Но она не могла сказать Джеку правду: он мог бы подумать, что она стыдится знакомства с ним. А это было совсем не так. Напротив, она с каждой минутой влюблялась в него все сильнее.

Лимузин въехал на подъездную дорогу, и свет его фар уже падал на фасад особняка.

– Послушай, я поставил машину у подножия холма, – сказал Джек. – Я подумал, что моей развалюхе здесь не место. Поэтому я вполне могу проскользнуть незамеченным.

– Наверное, так будет лучше, – сказала Лила, смирившись с тем, что это единственный выход.

«На почему сейчас, когда между нами только начали устанавливаться доверительные отношения?» – подумала Лила.

Она никак не могла решить, что хуже: вызвать гнев отца или позволить Джеку исчезнуть в тот самый момент, когда он начал рассказывать ей о себе.

– Лила, мне вполне хватает одного разъяренного отца – моего. – Джек сунул ноги в кроссовки и запихнул в рюкзак полотенце и мокрые плавки. – Но мы с тобой скоро увидимся. Я вряд ли смогу выкроить вечер на неделе, потому что

спозаранку мне нужно бежать на работу, но как ты отнесешься к тому, чтобы встретиться, скажем, в пятницу вечером?

– С удовольствием. – Радость, с которой она ему улыбнулась, была столь же неподдельной, как бриллиантовый кулон у нее на шее.

– Отлично. Я позвоню тебе до пятницы, ладно? – Джек торопливо чмокнул ее в щеку и быстро пошел по асфальтированной подъездной дороге, растворившись в сгустившейся тьме.

Лила осталась одна в наполненной ароматами трав ночной тишине.

Примерно час спустя Лила сидела на кровати под пологом в своей роскошно отделанной спальне, поставив к себе на колени изящный бледно-голубой телефон. Она уже сняла трубку и готова была набрать номер, как рука ее замерла в воздухе. Затем она бросила трубку на рычаг. Она пообещала Джеку сохранить его тайну, и она сдержит свое слово. Поставив телефон на античную тумбочку рядом с кроватью, Лила прилегла, положив голову на гору пуховых подушек. Она повторяла про себя все, что они с Джеком сказали друг другу, не упустив при этом ни единого слова, и перед ее мысленным взором вырисовывались черты его красивого лица – все до мельчайшей подробности. Лила прикоснулась к тому месту на щеке, куда он поцеловал ее на прощание. Он был такой удивительный – само совершенство. Если бы только она могла с кем-нибудь поговорить о нем! Ей казалось, что она

просто лопнет от распиравшей ее радости, если будет держать ее внутри себя.

Лиля опять потянулась к телефону. Что плохого, если она сделает только один звонок, расскажет о Джеке одному-единственному человеку и позаботится о том, чтобы больше об этом никто не узнал? Ее чувства к нему были такими необычными, она просто не может не поделиться ими со своей подругой. Джек поймет – такой человек не сможет не понять.

Лиля сняла трубку и быстро набрала номер Кары Уокер.
– Кара? – сказала она, когда та сняла трубку. – Я должна сообщить тебе прекрасные новости. Но ты должна поклясться, что никому не скажешь ни слова. Перекрестись и поклянись своей жизнью. Клянешься? – И Лиля выложила Каре все, что она узнала о самом замечательном парне в Ласковой Долине.

3

– Боже, сколько же здесь бумаг, – простонала Элизабет.

Был обеденный перерыв, и она сидела в редакции «Оракула» за длинным столом, заваленным кипами газетных вырезок, отпечатанных на машинке страниц и написанных от руки заметок, и во всем этом не было и намека на какую-либо систему.

– Хорошенькую работенку оставила тебе Пенни, а? – Мистер Коллинз, преподаватель английского языка и куратор школьной газеты, сочувственно улыбнулся Элизабет, положив руку ей на плечо.

Пенни Айала, главный редактор «Оракула», неделю назад слегла с мононуклеозом, и Элизабет вызвалась помочь с выпуском нескольких номеров газеты. Это была работа не из легких, но помощь мистера Коллинза ее заметно скрашивала.

Молодой и красивый, мистер Коллинз был не только любимым учителем в школе Ласковой Долины. Для многих учеников он был и хорошим другом. К нему обращались за советом, если вдруг начинала падать успеваемость или возникали какие-нибудь неприятности дома. Он все мог понять и вместе с ними находил решение возникших проблем. К тому же мистер Коллинз – с его атлетическим сложением, золотисто-русыми волосами и добрыми голубыми глазами –

был предметом тайной любви многих школьников.

«Но даже мистер Коллинз, – подумала Элизабет, – вряд ли сможет помочь ей навести здесь какой-то порядок».

– Лиз, единственное, что я могу тебе посоветовать, – не хватайся за все сразу. Сначала рассортируй все эти материалы на прошлые выпуски, текущий номер и следующие номера. Затем просмотрю все, что есть для номера, который у тебя сейчас в работе, и, если возникнут какие-то вопросы, звони Пенни.

Элизабет кивнула.

– Вы правы, мистер Коллинз, и, чем скорее я начну, тем лучше. – Под стрекот пишущих машинок она стала просматривать все лежавшие на столе Пенни бумаги.

В редакции стояла жуткая суета – готовился в печать очередной номер «Оракула».

Когда мистер Коллинз отошел от нее, Элизабет уже закончила сортировать первую стопку бумаг и приступила ко второй. Поверх нее лежала черно-белая фотография. Элизабет взяла ее, чтобы получше рассмотреть, и не смогла удержаться от смеха. На снимке был запечатлен Тэд Джонсон, громадного роста и весящий более ста килограммов парень, играющий в защите школьной футбольной команды: кто-то сфотографировал его в тот момент, когда он целовал крошечного плюшевого мишку. На заднем плане Элизабет смогла различить Джессику и ее подруг, настраивающихся на поддержку своей команды перед матчем.

– Джон! – крикнула сквозь смех Элизабет. – Ты сделал этот снимок?

– Какой снимок? – Джон Пфайфер, спортивный обозреватель «Оракула», подошел к Элизабет.

Джон, неплохо делающий любительские снимки, иногда помогал Аллену Уолтерсу, фотокорреспонденту газеты. Он взглянул на фотографию, которую Элизабет снова положила на стол, и на его лице появилась широкая ухмылка.

– Я был бы рад назвать его своим. – Он постучал по нему тупым концом карандаша. – Это классика. Но, увы, снимок сделан не мной.

– Как ты думаешь, откуда он взялся? – Элизабет повернула фотографию обратной стороной, пытаясь найти там разгадку, но на ней не было никакой надписи.

– Не могу сказать, – ответил Джон. – Я точно знаю, что Аллен его не делал. Так что это еще одна тайна.

– Еще одна? – спросила Элизабет.

– Ну да. Первая тайна – это загадочный Джек, который был на вечеринке у Липы. Все пытаются узнать, откуда он приехал. Я даже от кого-то слышал, что он что-то вроде переодетого принца.

– Вот как, значит, теперь он уже принц? Чего только не наплетут!

– Ну а чему тут удивляться? – Джон пожал плечами. – Мы же с тобой знаем, что в нашей школе распространяются такие чудовищные сплетни, что и Голливуду до нас далеко.

Элизабет с этим согласилась. Прошлым вечером Кара позвонила Джессике и рассказала ей эту потрясающую историю, и Джессика тут же все передала сестре. К утру вся школа говорила только об одном: Джек был очень важной персоной. Но кем именно он был, так и осталось тайной, так же как и автор снимка, лежавшего на столе Элизабет.

– Я считаю, что мы должны его напечатать, – заявила Элизабет.

– Что, этот пущенный кем-то слух про Джека? – с удивлением спросил Джон.

– Да нет же, чудак, фото. Я прямо сейчас позвоню Пенни и попрошу у нее разрешения.

После третьего звонка к телефону подошла мать Пенни.

– Здравствуйте, миссис Айала, – сказала Элизабет. – Это Лиз Уэйкфилд. Пенни в состоянии подойти к телефону?

– Лиз, дорогая, привет. Да, Пенни немного вздремнула, но сейчас проснулась и, я думаю, будет очень рада твоему звонку. Подожди минутку, пока я перенесу телефон в ее комнату.

По голосу Пенни чувствовалось, что она еще слаба, но рада услышать весточку из внешнего мира. Элизабет рассказала ей обо всех школьных событиях, не забыв упомянуть слух о принце Лилы, а затем описала обнаруженную фотографию.

– Ой, ну просто обхохочешься, Лиз. Обязательно напечатай фотографию, – сказала Пенни, не переставая смеяться.

– Но ты действительно знаешь о ней не больше меня? – спросила Элизабет.

– Если ее сделал не Аллен, то не имею ни малейшего представления.

Девушки строили различные догадки по поводу таинственного фотографа, но так ни к чему и не пришли. Обсудив другие проблемы «Оракула», они, простившись, закончили разговор.

Положив трубку, Элизабет окликнула спортивного обозревателя, вернувшегося на свое место в дальнем конце комнаты.

– Джон, – сказала она, – Пенни ровным счетом ничего не знает об этом снимке.

С выражением притворного ужаса на лице Джон стал напевать мелодию из фильма «Сумеречная зона».

Элизабет прыснула от смеха.

– Фото из четвертого измерения, ты на это намекаешь?

– Все возможно, – ответил Джон, ухмыляясь.

– Может, и так, но я почему-то уверена, что у этой загадочной истории должно быть вполне земное объяснение, – сказала Элизабет, заправив в пишущую машинку чистый лист бумаги.

«Поцелуй перед матчем – залог победы, – напечатала она. – Теперь ни для кого не секрет, почему Тэду Джонсону на футбольном поле всегда сопутствует удача. Но личность фотографа, запечатлевшего этот момент на снимке, все еще остается неизвестной. Может быть, фотограф-призрак все-таки объявится?»

Она вынула лист из машинки и прикрепил к нему фотографию Тэда. Эту тайну она обязательно разгадает.

Джессика взяла со стойки кафетерия тарелку с заветренным фруктовым салатом.

– Ну и гадость, – сказала она, обращаясь к Каре Уокер.

– Кто тебе мешает приносить еду с собой, как это делает Лила? – Кара движением головы указала на стол, за которым сидела Лила, разворачивая сверток с едой.

– Бедняжка, – саркастически промолвила Джессика. – Наверное, это бутерброд с маслом и икрой.

– Ну так отчего же и не похвастать, если есть чем, – сказала Кара, взяв порцию макарон с сыром.

– Так она и хвастает, – пробормотала Джессика. – Так же, как весь вчерашний вечер она похвалялась Джеком, как будто он редкостный экземпляр какого-нибудь павлина или еще чего-нибудь в этом роде.

– Да, я согласна, – ответила Кара. – Но сейчас она выглядит не очень-то счастливой. – Лила сидела одна, на ее лице застыло тоскливое выражение, и она едва притронулась к своему завтраку. – Может быть, подойдем и узнаем у нее, что случилось?

– Обязательно. – Джессика поставила на свой поднос тарелку с десертом.

Может быть, Лила огорчена из-за того, что Джек позвонил ей, чтобы отменить свидание, о котором она рассказывала Каре. Может быть, он даже сказал ей, что ему нравится дру-

гая девушка, с белокурыми волосами и зеленовато-голубыми глазами. Девушка с инициалами Дж. У. Вполне может быть.

– Кого я вижу! – воскликнула ледяным тоном Лила, когда Кара и Джессика сели за ее стол. – Похоже, это нахалка Уэйкфилд и ее верная помощница Кара-сплетница.

Джессика искоса взглянула на Кару и закатила глаза. Затем, повернувшись к Лиле, она пробормотала голосом, который мог бы растопить горный ледник:

– Я просто не могу понять, о чем это ты.

Но Лилу не так-то просто было провести.

– Ты прекрасно знаешь о чем, предательница, – так навязываться моему парню!

«Вот как, значит, он уже твой парень», – подумала Джессика, но ничего не сказала.

– А ты, Кара, тоже хороша – я рассказала тебе о Джеке по секрету, а теперь об этом говорит вся школа, – выпалила Лила. – Лучше уж водить дружбу с акулами, чем с вами обеими.

Джессика поставила свой поднос на стол напротив Лилы, а Кара расположилась рядом с нем.

– Не выдумывай, Лила. Я только старалась быть любезной с твоим почетным гостем, а Кару так потрясло то, что ты ей рассказала, что она просто не могла с кем-нибудь не поделиться услышанным. Ты должна это понять. Ты же сама испытывала такую же потребность, разве нет? – Джессика привычно сыпала оправданиями, одно убедительнее другого, но все без толку.

– Ну что ж, я вам это припомню, – пробормотала Лила, отодвигая в сторону тарелку с салатом из креветок.

– Послушай, если ты не хочешь, давай я съем, – сказала Кара. – И бутерброд тоже. По-моему, эти макароны опасны для моего здоровья.

– Кара, ну чего ради я должна тебе что-то давать? – резко спросила Лила.

– Потому что я твоя подруга и желаю тебе добра. И ты это знаешь. Послушай, Лила, мы не хотели причинить тебе никакого вреда. Честно. – Кара примирительным жестом положила руку Лиле на плечо.

Лила сбросила ее, но минуту спустя пододвинула Каре свой обед.

– Я все равно не буду это есть, – пробормотала она.

– Ага, знаменитая оливковая ветвь – символ примирения, – изрекла Джессика, взяв немного салата с креветками.

– Я дала это ей, а не тебе, – прорычала Лила.

– Ну хорошо, хорошо! – воскликнула Джессика. – Хотя я не могу понять, что на тебя сегодня нашло. Ведь Джек назначил тебе встречу, разве нет? – затаив дыхание, Джессика с надеждой ждала отрицательного ответа, но Лила утвердительно кивнула. – Тебе, а не мне, верно? – продолжала Джессика, все еще надеясь, что тут какая-то ошибка.

– Полагаю, что так, – подтвердила Лила как-то не слишком радостно.

Джессика почувствовала, что кровь приливает к ее лицу

от злости и разочарования. Значит, Джек идет на свидание с Лилой. Джессике хотелось услышать другое. Но это совсем не значило, что битва ею проиграна. Джессика все еще была полна решимости добиться внимания Джека. Просто для этого потребуется что-то придумать. Но в данный момент она пыталась понять, что же так расстроило Лилу. Если Джек позвал ее на свидание, то почему же она сидит как в воду опущенная?

– Так в чем же дело, Лила? Если с Джеком все хорошо, почему у тебя такой несчастный вид? – Джессика подцепила на вилку еще один кусочек креветки, и на этот раз Лила промолчала. Она обхватила голову руками, и ее волнистые русые волосы упали ей на лицо.

– Да, Фаулер, выкладывай, – потребовала Кара. – Что стряслось?

Лила подняла голову и посмотрела на Кару.

– Тебя это в самом деле волнует?

– Да! – воскликнули одновременно Кара и Джессика, горя от нетерпения.

– Дело в моем отце, – сказала им Лила. – Он вне себя от ярости.

– Почему? – спросила Кара, берясь теперь за бутерброд, он-таки действительно оказался с маслом и икрой.

– Ну, во-первых, во время вечеринки кто-то разбил дорожную вазу, – тоскливо проговорила Лила. – Потом засорилась труба бассейна. Но что самое худшее – исчезли все папины

золотые запонки и закладки для галстука.

– Неужели? – спросила Джессика, от изумления широко раскрыв свои зеленовато-голубые глаза. – Кто же мог их взять, как ты думаешь?

Лида пожала плечами:

– Понятия не имею. Может быть, их просто куда-нибудь засунули. Может быть, горничная убрала их в другое место.

– Да, мне как-то рассказывал Брюс, как однажды у миссис Пэтмен исчезло платиновое кольцо с изумрудами, – сказала Джессика, кинув взгляд в противоположную сторону, где богатый и красивый Брюс Пэтмен разговаривал со своими приятелями по игре в теннис. – Потом оно нашлось в ящике, где хранились всякие собачьи принадлежности. Кто-то из слуг подумал, что это был собачий ошейник.

Лида и Кара захихикали.

– Кстати о Брюсе, – сказала Кара. – Где он был вчера? Я что-то не видела его у тебя на вечеринке.

– Потому что я его не приглашала, – ответила Лида. – Ты не поверишь, что говорил о моем отце его папаша на городском совете.

– Избавь нас от этих подробностей, – пробормотала Джессика. – К тому же я уверена, что все это мы уже слышали.

Два самых богатых в Южной Калифорнии человека, Джордж Фаулер и Генри Уилсон Пэтмен, были известны всему городу своим соперничеством в бизнесе, да и во всем остальном. Мистер Фаулер постоянно стремился модернизи-

ровать, компьютеризировать и автоматизировать в Ласковой Долине все, что возможно, тогда как мистер Пэтмен боролся за то, чтобы оставить каждый камень в городе именно в том виде, в каком он был в те времена, когда его дед заседал в городском совете. Сколько себя помнила Джессика, между Пэтменом и Фаулером все время продолжалась эта вражда, казавшаяся Джессике полным абсурдом. Тем не менее все это было очень противно.

– К тому же, – продолжала Лила, бросая неприязненный взгляд в сторону Брюса, – он сказал, что может найти себе занятие поинтересней, чем участие в детской вечеринке у бассейна. Он якобы должен закончить очень важную работу в комитете по подготовке к столетнему юбилею Ласковой Долины.

Брюс только что стал президентом комитета, одержав в ходе выборов убедительную победу над Кеном Мэтьюзом, хотя радость от нее была омрачена отъездом Регины Морроу в швейцарскую клинику. Ко всеобщему удивлению и особенно к удивлению Джессики, Брюс по уши влюбился в Регину и в кои-то веки стал думать о ком-то еще, кроме себя самого. Но в отсутствие Регины Брюс был таким же самовлюбленным эгоистом, как и раньше, и не упускал случая похвастать своим президентством в школьном комитете по столетнему юбилею города.

– Ну как же, он теперь большой человек, – саркастически заметила Джессика. – Ну и хорошо, что он не пришел. –

Джессика тоже недолюбливала Брюса после их краткого, но известного всей школе романа, закончившегося столь плачевно.

– Не стоит тратить время на разговоры о Брюсе, – сказала Лила. – Сейчас я должна придумать, как мне быть с отцом. – Она в отчаянии стукнула рукой по краю стола.

– Я не могу понять, почему ты так переживаешь, – удивилась Кара. – Твой отец легко может найти замену всем этим вещам. Ну, может быть, за исключением вазы, но он может купить другую, не хуже той. Я хочу сказать, что он вполне может себе это позволить.

– Да нет, ты ничего не поняла, – жалобным голосом произнесла Лила. – Дело не в запонках. Дело в моем знакомстве с Джеком.

– А при чем тут это? – оживленно откликнулась Джессика, сразу вспомнив о свидании Лилы с этим таинственным красивым парнем.

– Я и без того не решалась рассказать о нем папе, но сейчас, когда он так разозлился из-за бассейна и всего остального, об этом не может быть и речи. До тех пор, пока Джек не уладит отношений со своим семейством, кто бы они там ни были, мой отец его ни за что не признает. Я не смею и заикнуться о нем. – Лицо ее приняло еще более скорбное выражение, и уголки губ опустились.

– Да, плохо дело, – сочувственно сказала Кара. – Но ты ведь не перестанешь видеться с Джеком?

– Ни в коем случае, – заявила Лила с вызовом. – Мне просто придется встречаться с ним втайне от отца. Думаю, что это будет нетрудно. – В ее голосе прозвучали обиженные нотки. – Папы почти не бывает дома. – Кара и Джессика прекрасно знали, что Лила сердилась на отца за его длительные и частые деловые поездки. – Во всяком случае, даже будь он все время дома, меня бы это не остановило. Никто не может помешать настоящей любви!

Отправив в рот остатки креветочного салата, Джессика с трудом его проглотила.

«Это ты так думаешь, – сказала она про себя, глядя на Лилу. – Но мы еще посмотрим!»

Джессика сидела у бассейна Уэйкфилдов, держа перед собой открытую книгу. Это была «Мисс Джули» Стринберга. Сначала, когда на уроке английского им задали эту пьесу, Джессика возмутилась, но, к ее изумлению, она оказалась довольно интересной. Мисс Джули просто очаровала Джессику. Это была удивительная женщина, хотя ее отнюдь нельзя было назвать положительным персонажем.

Но теперь Джессика не могла себя заставить прочесть ни строчки. Она была не в силах не думать о Джеке и все время видела перед собой его загорелое лицо и то, как он украдкой, по-особенному улыбнулся ей на прощание. Эта улыбка кое-что да значила. Почему же он назначил свидание Лиле, а не ей? Джессика ломала голову, пытаясь найти этому какое-то объяснение. Что же все-таки было у Лилы, чего не

было у нее? Мысленно она стала составлять перечень: во-первых, куча денег; во-вторых, тонны денег; в-третьих, опять же деньги, деньги и деньги. Элизабет всегда говорила ей, что деньги не самое важное в жизни, но Джессика не была в этом так уж уверена. Они определенно облегчали жизнь. Но неужели Джек пригласил Лилу только поэтому? Это просто не вязалось со здравым смыслом. Джек сбежал от своего отца и огромного состояния своей семьи, чтобы самому пробить себе дорогу. Нет, нужно искать другую причину!

Из дома донесся слабый звук телефонного звонка. Джессика выпрямилась и затаила дыхание. Может быть, это был тот самый звонок, которого она с таким нетерпением ждала. Звонки прекратились, и через несколько секунд Элис Уэйкфилд, мать близнецов, высунула голову из раздвижных стеклянных дверей, ведущих во внутренний дворик, где был басейн.

– Джес! – прокричала миссис Уэйкфилд. – Это тебя.

Джессика бросилась в дом, пробежала в отцовский кабинет и, прежде чем снять трубку, постаралась совладать с собой.

– Алло? – невозмутимо сказала она.

– Привет, Джессика, – услышала она. – Это Джек.

На лице Джессики появилась счастливая улыбка.

– Джек! Какой приятный сюрприз. Как ты поживаешь?

– Хорошо. А ты?

– Прекрасно, – ответила Джессика. – Что ты хочешь мне

сказать?

– Я подумал, что, может быть, ты согласишься пойти куда-нибудь со мной на этой неделе, – предложил Джек.

– Было бы неплохо, – согласилась Джессика небрежным тоном, изо всех сил стараясь не выдать своей радости. – А когда?

– Как насчет того, чтобы нам встретиться послезавтра?

«Среда, – подумала Джессика. – За два дня до того, как Лила получит свой шанс».

– Среда меня устроит.

– Как ты посмотришь на то, что я заеду за тобой в восемь часов, и потом мы придумаем, куда пойти?

– Отлично, – ответила Джессика. Поговорив с ним еще несколько минут, она дала ему свой адрес.

– Значит, увидимся в среду, – сказал Джек. – Я буду с нетерпением ждать этого дня.

– Я тоже.

– Пока, Джес.

– До встречи. – Положив трубку, Джессика завизжала от восторга.

– Джес, что ты так вопишь? – крикнула миссис Уэйкфилд из другой комнаты.

– Просто так, мам! – крикнула в ответ Джессика.

«Просто потому, что самый красивый, загадочный и интересный парень назначил мне свидание», – добавила она про себя.

Пусть Ли́ла бе́гает на свида́ния за спи́ной о́тца. Д́жессика́ была́ уве́рена, что́ до́лго ей́ э́того́ де́лать не́ приде́тся. По́тому́ что́ ско́ро Д́жек бу́дет прина́длежать то́лько ей́, Д́жессике́, а Ли́ла о́станется ли́шь в его́ воспо́минания́х о́ ми́моле́тных про́шлых встре́чах.

4

– Ну и как на мне это платье? – Джессика стояла посреди отделанной в кремовых тонах спальни Элизабет, примеряя изящное ярко-синее платье.

Длиной чуть ниже коленей, оно падало мягкими складками, с разрезами с обеих сторон до середины бедра.

– Просто, но элегантно, да?

– Да, – ответила Элизабет, поднимая глаза от статьи для следующего номера «Оракула». – Но я купила это платье только на прошлой неделе и всего один раз его надела.

– И оно достаточно открытое, – добавила Джессика, игнорируя слова сестры.

Элизабет положила статью на стол и засунула карандаш за ухо.

– Да, Джес, оно смотрится потрясающе, но кто сказал, что ты можешь носить его?

Джессика рассмотрела себя со всех сторон в большом зеркале Элизабет, потом сказала:

– Ну ведь сегодня ты никуда не идешь. Значит, и платье тебе не понадобится. Так что я подумала...

– Именно то, что ты думаешь всегда: что ты можешь сюда приходить и брать все, что тебе вздумается.

– Послушай, какая муха тебя сегодня укусила, Лиз? – Джессика раздосадованно взглянула на сестру. – Обычно ты

охотно даешь мне поносить свои вещи. Если бы я знала, что ты разразишься тысячей упреков, я бы ни за что не надела это платье. Честное слово, с тех самых пор, когда тебя заставили делать всю эту дополнительную работу для «Оракула», ты стала просто невыносимой.

Рассеянно глядя на снимающую платье сестру, Элизабет сказала:

– К твоему сведению, меня никто не заставлял это делать. Я хотела помочь Пенни. Кроме того, это даст мне возможность узнать, как выпускается номер газеты. Но, может быть, из-за этой добавочной нагрузки я действительно стала раздражительной. – Голос Элизабет несколько смягчился: – Извини, что я рывкнула на тебя. Просто в прошлый раз, когда я дала тебе поносить свое платье, я несколько дней спустя обнаружила его в скомканном виде у тебя под кроватью.

Скинутое через голову платье упало на пол.

– Лиз, я обещаю, что с этим платьем буду обращаться аккуратно. После свидания я повешу его назад, в твой шкаф. Честно.

– А если ты этого не сделаешь, то будешь всю неделю делать за меня уборку в доме. Согласна?

Джессика задумалась.

– Ну, я думаю, это уж слишком.

– Джес...

– Слушай, я совершенно серьезно даю тебе слово, что верну платье в том же виде, в каком его взяла.

– Ну ладно, – сдалась, наконец, Элизабет. – Хотя должна заметить, что лучше бы ты воспользовалась им в других целях.

– Вот! – воскликнула Джессика, круто повернувшись лицом к сестре. – Вот в чем кроется причина того, что сегодня ты такая раздражительная. Ты недовольна тем, что я встречаюсь с Джеком.

Элизабет пожала плечами.

– Что ты против него имеешь, Лиз? Ты же сама знакома с ним и не можешь отрицать, что он парень что надо. Слушай, он красивый, верно?

Элизабет кивнула.

– И он вежлив.

– Пожалуй.

– И обаятельный. И интересный. Лиз, все девчонки считают, что он потрясающий парень.

– Я знаю, Джес, и, возможно, так оно и есть, но...

– Но что? – настаивала Джессика, выходя из себя.

Присев на кровать рядом с сестрой, она продолжала:

– Ты же сама всегда говорила мне, что к людям нужно относиться без предубеждения. Ты всегда думаешь обо всех только хорошее. Так почему же у тебя такое отношение к Джеку? Это на тебя совсем не похоже.

– Все это так, – согласилась Элизабет. – Но у меня какое-то нехорошее предчувствие в отношении него. Я знаю, что он ведет себя тактично, и все такое, но какой парень бу-

дет встречаться сразу с двумя девушками? – Элизабет нервно теребила подол своего желтого сарафана, избегая ледяного взгляда сестры.

Она знала, что ее слова ранят самолюбие Джессики, и сама страдала от этого, но было в этом Джеке что-то такое, что ей не нравилось. Только она никак не могла понять, что именно.

– Разве это непонятно? – нетерпеливо спросила Джессика. – Джек – тактичный человек, поэтому он и назначил Лиле свидание. Я хочу сказать, что он никого не знал в нашем городе, а она пригласила его на вечеринку и со всеми познакомилась. Он считает себя обязанным пригласить ее куда-нибудь один раз.

Элизабет с сомнением посмотрела на сестру.

– Лиз, ну что ты так уставилась на меня? Все будет нормально. Я уверена, что по-настоящему ему нравлюсь только я.

Элизабет встала и потянулась.

– Надеюсь, что это правда. Я не хочу, чтобы ты влипла в какую-нибудь историю, Джес, а об этом парне ты ровно ничего не знаешь.

Глаза Джессики опасно сощурились, и от переполнявшего ее возмущения она пронзительно взвизгнула – так свистит закипевший чайник.

«Ну как может моя сестра быть такой непроходимой тупицей! Ведь именно тайна, окружающая Джека, делает его

таким интересным!»

Элизабет сделала последнюю попытку заставить сестру рассуждать здраво.

– Но почему он ничего о себе не рассказывает? Что он скрывает?

Джессика встала и, подойдя к сестре, схватила ее за руку.

– Слушай, может быть, ты такой человек, который должен обязательно точно все знать наперед и не терпящий никакой неопределенности, – все надежно, безопасно, никаких случайностей. Но я люблю загадки и неожиданности. Они делают жизнь интересной. Так что в том, что касается меня, ты, мисс Клуша, можешь оставить свое беспокойство при себе. – Джессика повернулась на каблуках и вышла из комнаты через ванную, соединявшую их спальни.

Элизабет вздохнула. Она совсем не хотела вести себя как курица-наседка, но Джек вызывал в ней смутное чувство тревоги. И ее не оставляло опасение, что Джессика опять, уже в который раз, схлопочет себе большие неприятности.

Когда в восемь часов раздался звонок в дверь, Джессика, сияя, бросилась открывать. Улыбка ее стала еще радостнее, когда она увидела Джека. В широких брюках песочного цвета, голубом хлопковом батнике, коричневых мокасинах и подпоясанный в тон им коричневым ремнем, он, казалось, сошел со страниц журнала мод. Джек широко улыбнулся ей, и в его зеленых глазах отразилось восхищение.

– Ты изумительно выглядишь, Джессика, – сказал он, про-

тягивая ей в левой руке, которую он до этого держал за спиной, одну алую розу на длинном стебле.

– О, Джек, это чудесно. – Взяв цветок, Джессика глубоко вдохнула его аромат. – Она прекрасна.

Джек вежливо ждал в дверях, наблюдая за ней.

– О Господи, прости, что держу тебя у порога, – сказала Джессика. – Заходи. Мама с папой будут рады с тобой познакомиться.

Взяв его под руку одной рукой и с цветком в другой, она ввела его в гостиную.

– Мама, папа, это Джек, – гордо сказала она.

Высокий темноволосый Нед Уэйкфилд поднялся с дивана, протягивая Джеку руку. Если он и заметил, что Джессика представила его только по имени, то ничего по этому поводу не сказал.

– Рад с тобой познакомиться, – произнес он приветливо.

– Я тоже рад с вами познакомиться, мистер Уэйкфилд. И с вами, миссис Уэйкфилд. – Джек пожал им руки.

– Ты принес Джессике розу? – спросила миссис Уэйкфилд, увидев в руке дочери цветок. – Как это мило.

Джек улыбнулся:

– Я купил ее в новом цветочном магазине в торговой аллее. Вы там бывали? Его хозяин составляет очень красивые букеты наподобие японской икебаны.

Джессика слушала, как Джек разговаривает с ее родителями. Казалось, он их полностью очаровал. И ее это несколько

не удивляло. И что там выдумывает Элизабет? Знала бы, что говорит. Джессика подняла голову и так, чтобы никто не заметил, кинула сердитый взгляд в ту сторону, где наверху была спальня ее сестры. Затем посмотрела на Джека, не скрывая своего восхищения.

В ответ он подошел к ней и обнял за плечи. Его прикосновение подействовало на Джессику как электрический разряд.

– Ты готова? – спросил он.

– Вполне, – ответила Джессика, которой не терпелось остаться с ним наедине.

Попрощавшись с родителями, они наконец-то вышли из дому. Теперь они с Джеком были одни.

Джессика вдыхала прохладный вечерний воздух, чувствуя, как громко стучит ее сердце.

– Чудный вечер для прогулки по пляжу, – сказал Джек, все еще держа Джессику за плечо. – Как ты считаешь?

– Я тоже об этом подумала, – ответила Джессика, прижимаясь к нему.

Вечер обещал быть именно таким, о котором она мечтала.

Джек подвел ее к старому, проржавевшему «рэмблеру», припаркованному перед домом Уэйкфилдов, и отпер дверцу для Джессики.

– Мне хотелось бы подвезти тебя на чем-нибудь попримечнее, – сказал он извиняющимся тоном, – но с моим отъездом из дому шикарные машины остались для меня в про-

шлом. – Распахнув дверцу, он ждал, пока она сядет.

Джессика села в машину с таким чувством, как будто это был «роллс-ройс». Она часто говорила Элизабет, что ездит только в самых лучших машинах и что, случись ей погибнуть в автомобильной катастрофе, это, по крайней мере, не будет подержанный «датсун», в котором ездит Тодд. Но вдруг старый «рэмблер» Джека показался ей самым классным автомобилем во всей Калифорнии.

– Мне нравится твоя машина, – сказала она ему, когда они выехали на дорогу, ведущую к пляжу. – Если тебя она устраивает, то и мне в ней хорошо.

– Спасибо, Джес.

Легкий ветерок, проникавший через открытое окно, шевелил его пшеничные волосы.

– Каждый пенни для покупки этой машины я заработал своими руками, – сказал он с гордостью. – Когда всего доби- ваешься сам, чувствуешь себя совсем иначе, – добавил он.

– Да, но когда все еще учишься в школе, это невозможно, – заметила Джессика. – Мне приходится во всем зависеть от родителей. Конечно, когда представляется такая возможность, я сижу с маленькими детьми. И еще я кое-где подра- батывала после школы, – торопливо добавила она, не упомянув при этом, что ее трудовая деятельность после занятий в школе была очень непродолжительной: она в общей сложности две недели проработала помощником клерка в юридической конторе своего отца, и то только потому, что ей

приглянулся симпатичный парень из конторы, выходящей в этот же холл. Но сейчас было не время для таких признаний. Из всего, что сказал Джек, она сделала вывод, что для него независимость была основным критерием достоинств человека. И Джессика была твердо намерена убедить его в том, что стремление к самостоятельности ей отнюдь не чуждо.

Чем дальше они ехали, тем меньше попадалось на их пути магазинов и ресторанов, которые уступали место низким, перекатываемым ветром песчаным дюнам. Изредка на дорогу падали отсветы от огней прибрежных домов. Джессике было слышно, как где-то неподалеку с шумом разбиваются о берег волны, и в ее ноздри проникал острый и соленый запах моря.

Доехав до конца дороги, Джек свернул на маленькую и пустынную прибрежную стоянку. Он заглушил мотор, вышел из машины и открыл дверцу Джессике.

– Мадам? – шутливо произнес он, протягивая ей руку.

Джессика оперлась на нее, глядя в его красивое лицо, и они пошли в сторону пляжа. Она только тогда оторвала от него взгляд, когда нагнулась, чтобы скинуть босоножки. Выпрямившись, она зарылась ногами в прохладный и влажный песок.

– Неплохая мысль, – сказал Джек, быстро последовав ее примеру. Оставив свои мокасины и носки на краю полоски терновника, он подошел к Джессике.

Обдуваемые ласковым морским ветерком, они подошли к кромке воды.

– Какое оно огромное и непостижимое, – заметил Джек, устремив взгляд в бескрайнюю морскую даль. – Когда вот так смотришь на него, ощущаешь себя не более чем песчинкой. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Ммм. – Джессика кивнула.

– Но в то же самое время в море есть что-то такое, что заставляет тебя почувствовать всю полноту жизни.

Джессика вытянула вперед ногу, и ледяная вода коснулась ее пальцев.

– Брр. Холодно, – сказала она, прижимаясь к Джеку.

Джек обнял ее, и она положила голову на его широкую грудь. Некоторое время они стояли молча, ощущая близость друг друга и созерцая безбрежный темный океан.

– Я не могу даже представить себе, как можно жить вдали от моря, – сказал наконец Джек.

– Я тоже, – согласилась Джессика, медленно проводя ладонью по его спине. – Но это, наверное, потому, что ты вырос на Западном побережье? – спросила она с любопытством.

– Да нет, не совсем так, – уклончиво ответил Джек.

– Ну, тогда на Восточном?

– Послушай, мне бы не хотелось говорить об этом, – заявил Джек несколько резковато.

Он выпустил ее из объятий, и Джессика почувствовала, что он весь как-то внутренне напрягся.

– Ну ладно, извини, – сказала она, не скрывая обиды.

Джек тут же пожалел о своей резкости.

– Нет, Джес, это ты меня извини. Пожалуйста, пойми: я не хотел тебя обидеть. Просто я изо всех сил пытаюсь забыть о своем прошлом. Мне не хочется много говорить о нем.

«Много! Это слишком уж мягко сказано», – подумала Джессика.

Но, когда Джек опять нежно притянул ее к себе, она тут же все ему простила.

– И к тому же, – прошептал он ей на ухо, – мне гораздо интереснее говорить о тебе. Мне очень многое хотелось бы узнать о тебе.

– В самом деле? – Джессику охватило радостное возбуждение.

– Конечно. И для начала мне хочется услышать, каково это – быть близнецами.

Джессика засмеялась.

– Да, нам многие задают этот вопрос. В общем и целом, это прекрасно. Лиз – самая лучшая сестра на свете. А иногда это очень удобно, когда есть человек, который внешне точная твоя копия.

И она рассказала Джеку про случай из своей жизни, когда она связалась с веселой компанией ребят из колледжа. С одним из них – парнем по фамилии Скотт – она оказалась где-то в лесной хижине и застряла там на всю ночь. На следующее утро она не смогла вовремя приехать в школу, и Элизабет не только выгородила ее перед родителями, но и дважды сдавала экзамен – один раз за себя, а второй – за Джессику.

– Боже, ну и влетело же мне от Лиз, когда я вернулась! – воскликнула Джессика.

Разговор постепенно перешел от семьи Джессики к ее друзьям и школьным датам. Джек все хотел знать. Не то чтобы Джессике это не нравилось, но в конце концов даже ей стало ясно, что для одного вечера рассказов о ее жизни было достаточно.

– И на этом кончается история о похождениях Джессики Уэйкфилд! – закончила она, обнимая Джека за талию.

Под тонкой тканью рубашки бугрились его мышцы.

– Ты прекрасная рассказчица, Джес, – сказал Джек ставшим вдруг хриплым голосом. – Я хочу назвать в честь тебя звезду. – Они посмотрели на небо, где каждая звездочка сверкала, как ограненный алмаз. – Вот эту, потому что она светит ярче других.

Джессика проследила взглядом за его протянутой вверх рукой.

– Но, Джек, это же Полярная звезда!

– Только не для меня. С этого момента она будет называться иначе. – Джек нежно провел пальцами по щеке девушки. – Теперь эта звезда будет называться Джессика, и, как только я взгляну на нее, я буду вспоминать тебя и этот чудесный вечер.

Сердце Джессики затрепетало, а затем бешено застучало. Вот что такое настоящая любовь! Она с обожанием смотрела на него: его глаза, прямой нос, точеные скулы, волевой под-

бородок, полные губы – все в нем казалось ей самым совершенством.

Их губы слились в нежном поцелуе, и он долго не выпускал ее из своих объятий.

На следующий день, после полудня, нагруженная папками с материалами для следующего номера «Оракула», Элизабет шла к дому Пенни Айала, рассеянно поддавая ногой гладкий круглый камешек. Теперь, когда болезнь Пенни больше не была заразной, Элизабет хотела показать ей все, что она подготовила. В одной из папок были собраны все фотографии, которые Элизабет отобрала для газеты, включая снимок Тэда Джонсона и два других таинственных снимка, подсунутых под дверь редакции. Она обнаружила их этим утром. На одном из них был директор школы, мистер Купер, ищущий что-то под столом, стоя на четвереньках. В том, что это был именно мистер Купер, не было никаких сомнений, потому что под столом блестела его огромная лысина, за которую ученики и прозвали его Медным Куполом. На втором был запечатлен Боб Руссо, самый строгий и придирчивый преподаватель: на лужайке перед школой он гладил крошечного восхитительного котенка, и на его обычно суровом лице застыло выражение неподдельного восторга.

Элизабет уже свернула на дорожку, ведущую к белому двухэтажному дому семейства Айала, все еще раздумывая над этими снимками. У нее не было ни малейшего представления о том, кто был этот таинственный фотограф, но ей очень хотелось это выяснить. Кто бы ни был, он был без-

условно талантлив, и «Оракулу» очень бы пригодился второй хороший штатный фотокорреспондент.

– Можно? – крикнула Элизабет через стеклянную дверь, постучав по ее раме.

Дверь распахнула темноволосая девочка.

– Здравствуй, – сказала она приветливо. – Заходи. Я Тина, сестра Пенни.

Элизабет вспомнила, что видела ее в школе – она была помладше, скорее всего, восьмиклассница.

– А я Лиз Уэйкфилд.

– Я знаю, – Тина широко улыбнулась. – В нашей школе все слышаны о тебе и Джессике.

Элизабет смутилась и слегка покраснела.

– Я тоже часто тебя встречала, – ответила она, – но никогда не думала, что ты сестра Пенни. Вы с ней совсем не похожи.

Пенни была высокой, длинноногой и белокурой, а Тина – маленькой, темноволосой и пухленькой, с россыпью веснушек на переносице.

– Да, иногда даже мне бывает трудно поверить, что мы сестры.

Тина провела Элизабет к находящейся наверху спальне, дверь которой была сплошь оклеена первыми страницами газет из самых разных стран мира. Элизабет знала, что Пенни мечтает стать редактором международной газеты. Ей хотелось этого так же сильно, как Элизабет стать известной пи-

сательницей. Пенни была одной из тех немногих, с кем Элизабет поделилась своей тайной мечтой, потому что Пенни ее хорошо понимала.

Тина Айала толкнула дверь в комнату сестры.

– Пен, – позвала она. – К тебе пришла Лиз Уэйкфилд.

Элизабет вошла в комнату. Так же, как стол Пенни в редакции «Оракула», вся комната была завалена блокнотами, бумагами, карандашами и ручками. Одну стену целиком занимали полки с книгами и энциклопедиями.

В дальнем углу комнаты сидела в кровати Пенни – под ее голову были подложены две подушки. Она была очень бледной, с темными кругами под глазами, но при виде своей гостьи улыбнулась.

– Лиз, как я рада тебя видеть! Садись поближе, – она указала на стул, стоящий рядом с кроватью.

– Ну, не буду вам мешать, – сказала Тина, когда Элизабет подошла к Пенни. – Пока, Лиз.

– Увидимся в школе, Тина, – ответила через плечо Элизабет.

Она разложила свои папки на рыжеватом ворсистом ковре и опустилась на стул.

– Как ты себя чувствуешь, Пенни? – спросила она.

Пенни поморщилась.

– Я буду чувствовать себя лучше, когда смогу бодрствовать больше получаса кряду, – ответила она грустно. – Как только я начинаю что-то читать, я тут же засыпаю. С телепе-

редачами то же самое. – Кивком головы она указала на телевизор, стоящий на тумбочке у кровати. – Но доктор говорит, что на следующей неделе мне будет намного лучше. Может быть, я даже пойду в школу.

Элизабет сочувственно покачала головой.

– Тяжелее всего, когда приходится лежать в постели и абсолютно ничего не делать, правда?

– Да, это ужасно, – подтвердила Пенни. – Но раз ты сейчас здесь, ты сможешь мне заняться делом. Это даст мне возможность какое-то время оставаться в бодрствующем состоянии. Ну так что ты мне при несла?

– Боюсь, что разбираться в том, что я тебе принесла, придется до середины летних каникул, – сказала Элизабет. – Пенни, я не знаю, как ты ухитришься справляться со всем этим и каждую неделю вовремя выпускать газету.

– К этому привыкаешь, – спокойно ответила Пенни, протягивая руку за принесенным Элизабет материалом.

– В верхней папке собраны все тематические статьи, – объяснила Элизабет, – включая очерк о курсах пилотажа, который по моей просьбе написала Робин Уилсон. Она и еще несколько ребят из нашей школы учатся летать вместе со студентами из местного колледжа.

Пенни открыла папку с таким же радостным волнением, с каким ребенок открывает свертки с подарками в рождественское утро.

– Я только сейчас поняла, как скучаю по работе над газе-

той, – заметила она. – Знаешь, каждый раз, когда подходит срок выпуска номера, я буквально сбиваюсь с ног и начинаю сомневаться в том, стоит ли посвящать всю свою жизнь такой адской работе. Но, когда ее долго нет, мне ее очень недостает: это так здорово, когда и ты, и все вокруг работают на пределе сил, чтобы сделать что-то стоящее, что-то такое, чем потом можно будет гордиться.

Пенни с нетерпением стала читать статью Робин.

– Послушай, это же действительно хорошо! – заметила она. – Я и не знала, что Робин может так писать.

– До того, как она сбросила вес, Робин все время писала, – объяснила Элизабет. – Сейчас на нее заглядываются все мальчишки, а помнишь то время, когда над ней все потешались? Она писала, потому что это было для нее какой-то отдушиной, возможностью самоутвердиться. Потом, когда в ее жизни произошел этот перелом и ее включили в команду болельщиц и все такое, она это забросила. Я пытаюсь убедить ее, что ей нужно снова этим заняться.

– Обязательно, – согласилась Пенни. – У нее прекрасный стиль.

Прочитав статью Робин, она отложила ее и стала читать другие материалы. Но скоро глаза ее стали слипаться.

– Пенни, я, пожалуй, сейчас уйду и дам тебе поспать. Но прежде чем уйти, я хочу тебе кое-что показать. Помнишь, я тебе говорила по телефону о снимке Тэда Джонсона?

– Да-да, – вспомнила Пенни, изо всех сил стараясь дер-

жать глаза открытыми. – Ты его принесла? Мне очень хочется его увидеть.

– Вот он, и еще два других, – сказала Элизабет, протягивая снимки.

Уголки губ Пенни слегка изогнулись в улыбке, когда она взглянула на первую фотографию. При виде двух других улыбка ее стала еще шире, и в конце концов она громко расхохоталась.

– Напечатай их! – распорядилась она. – Они просто великолепны!

– Да, мэм! – сказала Элизабет.

– И еще одно, – прибавила Пенни, стараясь подавить зевок. – Ты – лучший журналист нашей газеты, а каждый журналист в какой-то степени и детектив. Попытайся выяснить, кто делает эти снимки. Я бы хотела предложить этому человеку должность штатного фотографа.

– Я надеялась от тебя это услышать, – ответила Элизабет. – Сделаю все, что смогу. А сейчас тебе нужно отдохнуть. Я тебе оставлю все эти материалы. Ты их внимательно посмотришь, а завтра я за ними зайду. Ты скажешь мне, какие у тебя есть замечания, хорошо?

– Ну не уходи, – слабым голосом сонно запротестовала Пенни. – Мне не нужно спать... я просто должна на минутку закрыть глаза... – Она откинулась на подушки и, так и не закончив фразы, крепко уснула.

– Приятных снов, – прошептала Элизабет.

Выскользнув из комнаты Пенни, она прошла вниз и вышла на улицу.

– Это была хорошая тренировка, – сказала Джессика, направляясь вместе с Карой к школьной стоянке, где была припаркована машина Уэйкфилдов, красный «фиат» с откидным верхом, которым иногда пользовались Джессика и Элизабет. – А наша новая речевка просто потрясающая!

– Угу, – согласилась Кара. – Но последний возглас да разбитый на части – это выше моих сил!

– Кара, – упрекнула ее Джессика, – разве кто-нибудь говорил тебе, что быть в команде болельщиц – просто забава? Чтобы добиться хороших результатов, приходится много работать. Посмотри на Энни.

Кара обиженно надулась.

– Значит, теперь Энни Уитмен – твоя закадычная подружка? И когда вы успели так подружиться?

– Не говори ерунды. – Открыв дверцу «фиата», Джессика забросила свои книги и спортивную форму на заднее сиденье, села на водительское место и открыла дверцу для Кары. – Моя лучшая подруга – ты, – сказала она, когда Кара села рядом с ней. – Просто Энни действительно знает, как надо работать, чтобы все получилось хорошо. Ее нельзя не уважать за это. – Джессика завела мотор и выехала со стоянки.

Кара подозрительно посмотрела на подружку.

– Знаешь, Джес, то, что ты сейчас сказала, на тебя совсем не похоже. Я ведь не забыла, как совсем недавно ты говорила

мне, что тебе нравится быть в команде болельщиц, потому что это привлекает к тебе всеобщее внимание и вообще это интересно, но было бы еще лучше, если бы не нужно было потеть на тренировках. А теперь, ни с того ни с сего, ты стала нести этот вздор про то, как надо работать.

Джессика покраснела. В ее ушах звучал глубокий, сочный баритон Джека, убеждающего ее в том, как это хорошо – самому зарабатывать себе на жизнь и быть независимым. Но Каре она никак не могла этого сказать. Она даже ни словом не обмолвилась ей о своем свидании с ним накануне. Несмотря на то, что и минуты не проходило, чтобы она не думала о Джеке, она не собиралась рассказывать о нем ни одному человеку в школе. Об этом узнают в свое время – когда Лила получит отставку.

– Ну так что? – настойчиво спросила Кара, прервав раздумья Джессики. – Что произошло? Откуда все эти разговоры про работу?

– Честное слово, я не понимаю, о чем ты говоришь, Кара. – Джессика повернула налево, к ресторану «Дэйри Берджер», месту, где можно было быстро поесть и где любили собираться ребята из их школы. – Я имела в виду только одно: как один из капитанов команды болельщиц, я должна следить за тем, чтобы все ее члены добросовестно тренировались и чтобы нами были довольны. Только и всего. – Она посмотрела на Кару таким взглядом, который не оставлял никаких сомнений в ее абсолютной искренности.

– Ну ладно, Джес. Пусть будет так, – пробормотала Кара, но вид у нее был недоверчивый.

– Это так и есть, – убежденно произнесла Джессика, въезжая на стоянку возле ресторана.

Она выключила зажигание и, прежде чем выйти из машины, провела щеткой по своим белокурым волосам.

– Да, послушай, – сообщила Кара, когда они вошли в «Дэйри Берджер». – Я сказала Лиле, что мы с ней здесь встретимся. Надеюсь, ты не возражаешь?

Джессика чуть было не издала стон. Меньше всего ей сейчас хотелось встречаться с Лилой. Она будет без конца трещать о Джеке, а Джессика ни с кем не хотела говорить о нем, а с ней – тем более. К тому же после вечеринки Лила была зла на нее и, конечно, не упустит возможности сказать ей какую-нибудь колкость.

В школе ей удалось избежать встречи с ней, но сейчас Лила энергично махала им из кабинки в дальнем конце ресторана. Теперь уже нельзя было ретироваться и уйти, и Джессика призвала на помощь все свое самообладание.

– Кара, Джес! Идите сюда! – громко крикнула Лила. – Я думала, что вы так и не доберетесь до ресторана, – сказала она, когда они подошли. – Бедняжки, вы что, шли пешком?

– Да нет, мы задержались на тренировке, – объяснила Кара. – Мы ехали на «фиате» Уэйкфилдов.

– В самом деле? – Лила посмотрела на Джессику. – Тебе что, снова разрешили водить машину? – За последний год

родители уже несколько раз запрещали Джессике садиться за руль из-за сильно покореженного переднего бампера и многочисленных штрафных квитанций. – Пользуйся этой возможностью, пока она у тебя есть, – насмешливо добавила Лила.

– Я и пользуюсь, – спокойно ответила Джессика, ничем не показывая, что уязвлена.

– А почему же все-таки тебе разрешили сегодня сесть за руль? – не унималась Лила. – Я думала, что такое разрешение тебе дают только в особых случаях.

Джессика лукаво усмехнулась:

– Я сказала родителям, что вызвалась съездить в торговую аллею забрать новые помпоны, которые мы заказали для нашей команды.

– Но мне показалось, что это сделала Сэнди Бэйкон, – вставила свое слово Кара.

– Так и есть. Но я тем не менее предлагала свои услуги, – самодовольно сказала Джессика. – Просто Сэнди делала это более настойчиво.

Кара захихикала:

– Вот теперь это действительно Джессика Уэйкфилд, которую я знаю и люблю.

Джессика ухмыльнулась:

– Как правильно заметила Лила, я должна на всю катушку использовать возможность водить машину. А теперь я пойду и закажу что-нибудь поесть. Я просто умираю с голода после

этой тренировки!

– Может быть, закажешь и для меня? – спросила Кара, проведя рукой по своим длинным темным волосам.

– Почему бы и нет? – согласилась Джессика. – Я и для тебя закажу, Лила. – Она улыбнулась ей одной из своих подготовленных на такой случай улыбок. – Что вам заказать? Фирменных моллюсков?

Лила и Кара одновременно застонали.

– Даже не упоминай их, Джес. Об этих фирменных моллюсках даже думать опасно, – сказала Кара. – Закажи мне чизбургер и шоколадный коктейль.

– Я возьму сэндвич с рыбой и минеральную воду, – сделала заказ Лила, когда Джессика встала из-за стола.

Вернувшись, она обнаружила, что Лила уже направила разговор в неизбежное русло. Через некоторое время Джессика отлучилась снова, чтобы заказать булочку с креветками и кока-колу. Лила продолжала без умолку болтать о Джеке, и Джессика призвала на помощь всю свою изобретательность, чтобы ее не слушать.

Она стала вертеться на месте, разглядывая всех посетителей «Дэйри Берджер» и развлекая себя вымышленными историями о каждом из них. К примеру, она вообразила, что малорослый занудный тип, сидящий в одиночестве в углу и не поднимающий глаз от какого-то скучного учебника, вел тайную ночную жизнь и был большим ловеласом. А человек, только что вошедший в зал в низко надвинутой на глаза шап-

ке и в темных очках, был известным в криминальном мире грабителем банков.

Но больше всего ей нравилось придумывать всякие небылицы про тех людей, которых она знала. Она чуть не расхохоталась вслух, когда взгляд ее упал на Диди Гордон и ее дружка Билла Чейза, евших мороженое в кабинке неподалеку.

«А что, если у Диди, – подумала она, – вырастет на носу огромная бородавка, прямо сейчас, пока она ест мороженое?»

Джессика представила себе, какое при этом будет у Билла лицо и какое лицо будет у Диди, когда она поймет, что с ней произошло. Этот вымысел Джессике очень понравился, потому что она так до конца не простила Биллу и Диди их внезапно вспыхнувшей любви, когда она, Джессика, была уверена в том, что полностью приручила Билла.

Но в конце концов Джессика перебрала в уме всю публику в ресторане, а Лила все еще распространялась о необыкновенных достоинствах Джека.

– Все это невероятно романтично: известный аристократ, скрывающийся под видом простого рабочего со стройки, – говорила она, захлебываясь от восторга.

Джессика криво усмехнулась. Это был ее парень, ее Джек. К черту Диди Гордон! Интересно было бы взглянуть на Лилу с бородавкой на носу.

– Я просто не могу дождаться завтрашнего вечера, – гово-

рила теперь Лила. – Мне бы так хотелось встретиться с ним сегодня. Но Джеку приходится вставать в полшестого, чтобы не опоздать на работу, поэтому он никуда не ходит в будние дни.

«Ну конечно, совсем никуда», – подумала Джессика, вспоминая, как они целовались.

– Но остался всего один день, – продолжала Лила, наматывая на указательный палец прядь своих волос. – Еще один день, и он будет со мной.

«Это ты так думаешь», – подумала Джессика.

Она посмотрела на Лилу, лицо которой светилось от счастья при мысли о скорой встрече с Прекрасным принцем, скрывающимся под маской простолюдина. На какую-то долю секунды Джессике стало почти жаль ее: Лила действительно была влюблена по уши.

Но ведь и она, Джессика, тоже была влюблена. Сочувствие к Лиле тут же умерло на корню.

Конец ее монолога Джессика выслушала, уже не испытывая к ней ни капли жалости. Она вспомнила старую поговорку: «В любви и на войне все средства хороши». Что ж, это был тот самый случай – и любовь, и война. И, вспомнив прошлый вечер на пляже, Джессика почувствовала уверенность, что в этой войне победа будет за ней.

Когда, наконец, девушки собрались уходить, Джессика незаметно торжествующе улыбнулась. К концу уик-энда Джек будет принадлежать только ей!

В понедельник утром Лила вошла в школу такой походкой, будто парила где-то в невесомости. Она шла по коридорам с отсутствующей улыбкой на губах, не слыша громкой болтовни толпящихся там ребят. То и дело она вдруг начинала тихонько смеяться, как будто вновь переживала какие-то счастливые мгновения своей жизни, никому, кроме нее, не известные.

Джессика стояла у своего шкафчика, доставая нужную ей тетрадь, когда увидела Лилу с этим мечтательным выражением на лице. Рука Джессики так и застыла в воздухе, и она вся внутренне похолодела. Вид Лилы совсем не говорил о том, что ее бросил возлюбленный и что все ее мечты рухнули. Совсем наоборот, налицо были все признаки того, что несколько последних дней она провела в раю.

Джессика лихорадочно схватила тетрадь, закрыла дверцу шкафчика и защелкнула наборный замок. Когда Лила все той же плывущей походкой приблизилась к ней, Джессика встала у нее на пути.

– О, Джессика, – произнесла Лила, вернувшись к действительности. – Рада тебя видеть. Как ты провела выходные?

Теперь уже Джессика знала наверняка, что произошло что-то невероятное. Всю прошлую неделю Лила не скрывала своей неприязни к ней, теперь же была сама доброжелатель-

НОСТЬ.

– Ничего особенного, – ответила Джессика.

– Что? – спросила Лила, очевидно опять унесшаяся в свой волшебный замок.

– Мои выходные, – произнесла Джессика ничего не выражающим голосом, – я провела их, как обычно. Ты спросила меня об этом?

– Да, – пробормотала Лила. Джессика в нерешительности теребила висящий на шее золотой кулон, подаренный родителями на шестнадцатилетие. Наконец, глубоко вздохнув, она спросила:

– Ну, а как ты провела уик-энд? Ответа она ожидала почти со страхом.

– Джессика, это был самый лучший уик-энд за всю мою жизнь. – Прижав к груди книги, Лила издала счастливый вздох.

– И почему? – Джессика так сильно сжала кулаки, что побелели костяшки пальцев.

– Джек... – Лила произнесла это односложное слово так, как будто оно давало ключ к разгадке всех тайн Вселенной.

– Ты хочешь сказать, что в пятницу все прошло хорошо? – Джессика была в каком-то остолбенении.

– И в пятницу, – блаженно проговорила Лила, – и в субботу, и в воскресенье тоже.

Джессика не могла поверить своим ушам. Здесь должна быть какая-то ошибка. Но одного взгляда на восторженное

лицо Лилы было достаточно, чтобы понять, что все это было правдой.

– Ну и... эээ... когда ты увидишься с ним снова? – спросила Джессика, с трудом подбирая слова из-за охватившей ее ревности.

– В следующую пятницу, разумеется. Потому что но будням Джек не может возвращаться домой поздно.

– Да, я помню, ты уже это говорила. – Черную бездну отчаяния Джессики прорезал тонкий лучик надежды. Джек и на прошлой неделе воспользовался этим предложением, чтобы не встречаться с Лилой, – это оставляло ему время для встречи с ней, Джессикой. Может быть, Лила и не получила пока отставку, но у Джессики было целых четыре дня, чтобы добиться своего.

Прозвенел первый звонок – до начала урока оставалось только три минуты.

Мимо Джессики и Лилы торопливо пробежали ребята.

– Мне нужно идти, – сказала Лила, на минутку вернувшись с небес на землю. – У меня сейчас контрольная, так что мне нельзя опаздывать. Увидимся позднее, Джес.

– Непременно, – вежливо ответила Джессика. Провожая глазами плывущую по коридору Лилу, она подумала:

«Ну что ж, пусть радуется. Битва еще продолжается!»

Но ближе к обеду Джессика опять упала духом. Слухи о романе Лилы распространялись по школе со скоростью лесного пожара, и все утро она только и слышала: Джек и Ли-

ла, Лила и Джек. Даже для Джессики соединение этих двух имен стало казаться чем-то естественным, как Ромео и Джульетта или Антоний и Клеопатра. Правда, она слышала, что Лила так и не узнала, кем являлся Джек на самом деле, но нельзя было отрицать того, что за эти выходные их отношения упрочились.

Сначала Джессика направила весь свой гнев на Лилу, придумывая всякие хитроумные способы расстроить их счастливый роман. Но в конце концов она вынуждена была признать, что не может осуждать Лилу за то, что она всеми силами добивается того, чего хочет. Каждая девчонка на ее месте сделала бы то же самое. Да ведь и она, Джессика, разве не делала того же? Но может быть, она выбрала неверную тактику? Может быть, к Джеку нужен был другой подход? Но какой? Со многими другими парнями ее методы всегда срабатывали безошибочно. Нет, решила Джессика, Лилу тут упрекать было не за что, но и она все делала правильно.

В конце концов ей пришлось посмотреть фактам в лицо: все дело было в Джеке. В Джеке, который обнимал ее и шептал ей нежные слова. В Джеке, который всегда будет думать о Джессике, когда взглянет на Полярную звезду. В Джеке, этом романтическом принце. Джессику охватило бешенство. Как он мог с ней так поступить? Что же он был за парень? Может быть, ей стоило прислушаться к тому, что говорила ее сестра? Может быть, Элизабет была права?

Сначала Джессика не находила себе места от злости. Но

постепенно на первый план вышли чувства грусти и опустошенности. И она с ужасом поняла, что не может не думать о Джеке, несмотря на то, как подло он поступил в этот уик-энд. Он был умным и веселым, и при одном воспоминании о его красивом лице и широких плечах по спине Джессики пробегала дрожь. Он умел слушать и умел целоваться. Но именно тайна, окружавшая его, создавала ему этот романтический ореол. Так что, может быть, у него и были какие-то изъяны. И все же Джессика должна была признать, что крепко попалась на крючок.

В кафетерии, стоя в очереди за обедом, она, ничего вокруг не замечая, все думала о Джеке и о той прекрасной лунной ночи. Затем она представила себе его с Лилой – все так же улыбающимся и держащим ее за руку. Это было невыносимо. Что же ей делать? Ей нужно было с кем-нибудь посоветоваться.

Пройдя со своим подносом до середины кафетерия, Джессика поискала глазами сестру. Элизабет ей поможет. Но в переполненном кафетерии ее не было.

«Может быть, она обедает снаружи», – подумала Джессика.

Поставив поднос на ближайший стол, Джессика бросилась к боковой двери, ведущей во дворик. Ей не хотелось есть. Да и как можно было что-то есть, когда парень, о котором она так мечтала, ускользал от нее?

Поискав сестру во внутреннем дворике, Джессика выбе-

жала на пришкольную лужайку. Наконец она заметила Элизабет, сидящую под одним из огромных дубов, росших на территории школьного парка. С ней была Инид Роллинз.

– Черт! – в раздражении пробормотала Джессика.

Как же она сможет поговорить с Элизабет, когда здесь околачивается эта размазня Инид? Джессика вот-вот умрет от разбитого вдребезги сердца, а ее сестра беззаботно болтает с этой занудой, которая отнимает у нее столько времени. Когда ей самой позарез бывает нужна сестра, Инид всегда почему-то путается под ногами.

Джессика быстро направилась в их сторону. Подойдя на достаточно близкое расстояние, она услышала, как Инид говорит:

– ...так что после занятий инструктор Джорджа показал ему все эти фигуры высшего пилотажа.

«Джордж, Джордж, Джордж, – в раздражении подумала Джессика. – Неужели у нее нет другой темы для разговоров? Она и ее Джордж стали чем-то вроде супружеской пары». Она подошла к дереву и остановилась перед Элизабет. Инид продолжала болтать как ни в чем не бывало. Наконец Джессика не выдержала и громко откашлялась.

Элизабет подняла на нее глаза.

– Боже мои, Джес, какая у тебя сильная простуда, – пошутила она, и в ее зеленовато-голубых глазах заплясали веселые искорки. – Может быть, тебе следует обратиться к врачу?

– Лиз, сейчас не время для шуток, – раздраженно сказала Джессика. – У меня нет никакой простуды. Просто я пыталась привлечь твое внимание.

– Неужели? – с притворным изумлением спросила Элизабет. – А я подумала, что ты пришла сюда только для того, чтобы стоять передо мной и заслонять меня от вредных солнечных лучей. Что-то вроде живого зонтика. – Она посмотрела на Инид, и они обе рассмеялись.

– Элизабет Уэйкфилд, на карту поставлена вся моя жизнь, а ты смеешься надо мной! – Джессика выдавила слезинку.

– Ну что ты, Джес, я только пошутила. Я не знала, что ты так сильно расстроена. – Элизабет встала и обняла сестру, пытаясь ее успокоить. – Что случилось?

– Лиз, мне необходимо поговорить с тобой, – жалобно произнесла Джессика. – Произошло самое худшее.

– Ну, я слушаю тебя, – мягко сказала Элизабет. – Говори.

– Не здесь, – раздраженно ответила Джессика, бросая злобный взгляд на Инид.

– Понятно, – сказала Элизабет ровным голосом. – Инид, ты нас извинишь? – обратилась она к подруге. – Надеюсь, у тебя есть для этого действительно серьезные основания, – тихо сказала она сестре, когда та отвела ее в сторону. – А то это уже вошло у тебя в привычку: всякий раз, когда я бываю с Инид, у тебя появляется безотлагательная потребность поговорить со мной наедине.

Джессика пожала плечами.

– Не знаю, что ты с ней так носишься. При одной мысли об этой Инид мне хочется свернуться в клубок и крепко заснуть.

– Джессика... – В голосе Элизабет появились резковатые нотки. – Я не хочу это с тобой обсуждать. Инид – прекрасный человек, тактичная и умная, с большим чувством юмора. И она – моя лучшая подруга.

На лице у Джессики появилась хорошо отработанная обиженная гримаса.

– К тому же, – добавила Элизабет, – на тебя вроде бы свалилось огромное несчастье. Если это действительно так, не могу понять, откуда у тебя еще берутся силы цепляться к Инид? – Она испытующе посмотрела на сестру.

– Лиз, это правда, – простионала Джессика. – Это в самом деле катастрофа. Ты должна сказать, что мне делать.

– Джессика, может быть, ты все-таки расскажешь мне, что случилось, – спокойно сказала Элизабет, давно привыкшая к тому, что на ее сестру то и дело обрушиваются страшные беды.

– Это, – плаксиво промолвила Джессика, – это Джек.

Элизабет покачала головой:

– Я так и думала. Джек и Лида, да? Джессика проглотила ком в горле и кивнула.

– Утром я слышала разговоры об этом, но, подумав о тебе, понадеялась, что это неправда.

Теперь уже настоящие слезы хлынули из глаз Джессики.

– Это правда, – проговорила она между рыданиями. – Сама Лила сказала мне об этом. – Она бросилась в объятия Элизабет и расплакалась навзрыд.

Когда рыдания наконец прекратились, она еще долго продолжала всхлипывать.

– Джес, я понимаю, как это тяжело, – ласково говорила Элизабет, глядя сестру по спине, – но чего же ты ожидала? Ты ведь знала, что на выходные у них было назначено свидание.

– Но я думала, что это будет одна-единственная встреча, – со стоном ответила Джессика. – Я же тебе говорила. А теперь получается, что между ними вспыхнул какой-то фантастический роман.

– Я знаю, что это очень неприятно, – сочувственно сказала Элизабет, – но, по крайней мере, ты теперь поняла, что это за парень. Хорошо, что это случилось сейчас, пока ты им не слишком увлеклась.

– Но я им увлеклась! – Джессика опустила на траву и обхватила голову руками. – Может быть, я даже полюбила его!

– Джес, ну как это может быть? Ты ведь всего один раз встречалась с ним, – сказала Элизабет, сев рядом с сестрой.

Джессика замотала головой и в бешенстве посмотрела на Элизабет.

– И ты говоришь, что это невозможно? Сколько тебе понадобилось встреч с Тоддом, чтобы полюбить его? После пер-

вого же поцелуя ты влюбилась в него по уши – ты знаешь это так же хорошо, как и я.

Элизабет не смогла этого отрицать. И при воспоминании о том первом поцелуе на ее лице появилась было счастливая улыбка, но тут же пропала.

– Тодд ни с кем, кроме меня, не встречался, Джессика. Если бы это было не так, наш роман закончился бы, не успев начаться. Ты должна понять, что не стоит увлекаться этим Джеком. Я считаю, что, чем быстрее ты его забудешь, тем лучше.

– Ну да, понимаю, – ответила Джессика. – Тодд, – хороший парень, а Джек – плохой. А я-то рассчитывала на твой совет, на твою помощь. Но разве так помогают?

– Совет, как завоевать Джека? Джес, я могу ошибаться, но у меня такое предчувствие, что ты накличешь на себя серьезную беду, если сию минуту не выбросишь этого парня из головы.

Джессика резким движением поднялась на ноги и посмотрела на Элизабет ледяным взглядом.

– Ты не только можешь ошибаться, но ты и на самом деле очень ошибаешься, Лиз. Мне нужен Джек, и он будет моим, будешь ты мне помогать или нет. И в следующий раз я хорошенько подумаю, прежде чем обращаться к тебе за советом. – Не скрывая своей обиды, Джессика быстро пошла прочь, а ее сестра растерянно смотрела ей вслед.

«Возможно, Джессике и удастся добиться любви Джека»,

– рассуждала Элизабет.

Редко случалось, чтобы ее сестра не получала того, к чему очень стремилась. Но она не могла отделаться от щемящего чувства, что на этот раз Джессика получит совсем не то, что хочет. Глядя, как Джессика стремительно пересекает школьную лужайку, Элизабет поняла, что ей остается только держать пальцы скрещенными и молиться о том, чтобы ее подозрения оказались беспочвенными.

Вечером во вторник Элизабет учила французские идиомы, сидя в гостиной на диване, когда в комнату ворвалась Джессика.

– Ну, как я выгляжу? – спросила она, медленно поворачиваясь и демонстрируя свое малиновое трикотажное платье с пуговицами по всей спине и черные босоножки на низких каблуках.

Ее тщательно расчесанные волосы отливали золотым блеском, а одна боковая прядь была заплетена в маленькую косичку.

– И по какому же это поводу? Подожди – я сама угадаю, – сказала Элизабет, заметив счастливую улыбку на лице сестры. – Он звонил, да? – Кто «он», было ясно без слов.

Джессика радостно кивнула, усаживаясь рядом с Элизабет.

– Он уже едет сюда за мной. Мы идем в кино – смотреть фильм с участием «Битлов».

Элизабет положила учебник французского на журнальный столик.

– Что он сказал о своих отношениях с Лилой?

Улыбка тут же исчезла с лица Джессики.

– Тебе обязательно нужно было сейчас спрашивать меня об этом? – выпалила она. – Если бы я так хорошо не знала

тебя, я могла бы подумать, что ты нарочно стараешься испортить мне настроение, – добавила она с мрачным видом.

Элизабет залилась ярким румянцем.

– Джес, я не хотела, ну я подумала, ну я просто предположила, что раз ты встречаешься с Джеком, он должен был дать тебе исчерпывающее объяснение всему, что происходит.

– Нет. И я его не спрашивала. – Безапелляционный тон Джессики ясно говорил: «Вопрос исчерпан».

Но Элизабет продолжала настаивать:

– Ну ты, по крайней мере, собираешься это сделать?

Джессика закатила глаза.

– Ты кто, Лиз, моя мама, что ли? Да, я спрошу его. Главным образом, чтобы ты наконец от меня отстала.

– Вот и хорошо. Ты обязательно должна это сделать, – спокойно сказала Элизабет, игнорируя резкий выпад Джессики. – Я просто не хочу, чтобы у тебя были неприятности, только и всего. И я очень надеюсь, что всему этому есть разумное объяснение. Ты знаешь, что я хочу тебе только добра.

Джессика продолжала хмуриться.

– Это правда. Ну хватит, Джес. Улыбнись.

Джессика покачала головой, все еще не глядя на сестру.

– Ну, пожалуйста. – Элизабет потянулась к Джессике и стала ее щекотать.

Мрачное выражение тут же исчезло с лица Джессики.

– Прекрати, Лиз, – сказала она, хихикая. – Это очень-очень щекотно, – проговорила она, задыхаясь от смеха.

Вырвавшись из рук сестры, она тут же сама набросилась на нес и принялась ее щекотать. Не прошло и минуты, как игра в щекотку пошла полным ходом. Сестры хохотали до боли в животе, но ни одна из них не хотела сдаваться. Это могло бы продолжаться весь вечер, если бы не раздался звонок в дверь – как раз тогда, когда Элизабет добралась до левой подмышки своей сестры.

Джессика вскочила и стала руками приглаживать волосы.

– Это Джек! – воскликнула она.

– Может быть, это Тодд, – сказала Элизабет, пытаясь отдышаться. – Он говорил, что, возможно, придет ко мне сегодня вечером – мы хотели вместе готовить уроки.

Лицо Джессики сразу же приняло встревоженное выражение.

– Ты что, шутишь?

– Нет. А что тут такого? – Элизабет выглядела озадаченной.

– А что, если он увидит, как Джек за мной заехал? Я не хочу, чтобы кто-нибудь, кроме тебя, знал о наших с ним встречах.

В дверь снова позвонили – теперь уже несколько раз, резко и настойчиво. Элизабет пошла открывать.

– Не волнуйся, Джес. Тодду ты можешь доверять так же, как и мне. Даю тебе слово. Но ведь ты же знаешь, что вас все равно когда-нибудь увидят вместе.

– Да, но будем надеяться, что, когда это произойдет, он

будет встречаться только со мной, – сказала Джессика, разглаживая на себе платье. – И некая моя приятельница, чье имя я называть не буду, исчезнет со сцены.

Элизабет слегка нахмурилась, но, ничего не сказав, открыла парадную дверь.

– Ну вот, ворота наконец то открыли, – сказал Тодд, входя в дом, и быстро поцеловал Элизабет. – Мы с Джеком уже было подумали, что нам придется всю ночь стоять у запертой двери.

Джек стоял в дверях позади Тодда.

– Входи, Джек, – вежливо пригласила его Элизабет.

– Привет! – радостно крикнула Джессика и, подбежав, обняла его за плечи.

Но после того, как все обменялись приветствиями, в холле повисло молчание.

«Не слишком удачная компания», – подумала Элизабет.

Вдобавок к тому, что сама она относилась к Джеку с известной степенью настороженности, ее сестра не очень-то ладила с Тоддом. А тут еще Тодд, по-видимому, недоумевал, что здесь может быть нужно Джеку, а Джессике совсем не нравилась перспектива того, что скоро ему это будет известно. Что до Джека, то кто знает, что у него в голове? Элизабет все никак не могла понять, что скрывается под его изысканной внешностью и безупречными манерами.

Она незаметно посмотрела на него. Он был так же красив, как и на вечеринке у Лилы, но, приглядевшись к нему

повнимательнее, она заметила, что его глубоко посаженные глаза немного припухли и веки покраснели.

– Как ты себя чувствуешь, Джек? – спросила она, нарушив молчание. – Ты что-то не очень хорошо выглядишь.

– Он выглядит прекрасно, – оборонительным тоном сказала Джессика.

– Да я совсем не это имела в виду. – Элизабет вздохнула, чувствуя, что атмосфера стала еще более напряженной.

– Я понимаю, о чем ты, – сказал Джек. – Я пришел сюда прямо из бассейна в муниципальном спортивном центре. Иногда хлорка разъедает мне глаза.

Напряженность несколько ослабла.

– А, так ты работаешь в муниципальном центре? – спросил Тодд. – Я часто хожу туда побросать мяч в кольцо. Мы с тобой там как-нибудь встретимся. Хотя я нечасто пользуюсь бассейном. Меня не очень-то тянет в воду – суша мне больше по душе.

– Что ж, как говорят французы, *chacun a son gout*, – заявила Элизабет, вспомнив одну из выученных ею идиом.

Ее реплика не вызвала никакой реакции.

– Лиз, может быть, ты скажешь нам, простым людям, что это значит, – потребовала Джессика.

– *Ma chere* Джессика, – сказала, смеясь, Элизабет, – если бы ты добросовестно делала все задания по французскому языку, ты бы меня поняла. Это значит «каждому свое» или «каждой», в зависимости от обстоятельств.

– Ясно. Что до меня, то я, пожалуй, отправилась бы в кинотеатр, – заявила Джессика, взяв Джека под руку. – Желая вам хорошо провести вечер, книжные черви, – сказала она на прощание и повела Джека к выходу.

– Ну и ну! Что же это происходит? – спросил Тодд, как только они ушли. – Мне казалось, что у него пылкий роман с Лилой.

Элизабет беспомощно пожала плечами.

– Кто знает? Если Джес добьется своего, то он будет недолгим.

Тодд тихонько присвистнул.

– Но ведь Лила ее подруга! – воскликнул он.

Вместе с Элизабет он прошел в гостиную и присел на диван.

– Вот в этом вся Джессика!

Элизабет сильно прикусила нижнюю губу. Выпады Тодда против Джессики часто вносили разлад в их отношения.

– Вероятно, твоя сестра ни перед чем не остановится, – сказал Тодд.

– Тодд Уилкинз! Что ты хочешь этим сказать? – Элизабет рассерженно скрестила руки. – Да, может быть, в этот раз Джессика повела себя не очень хорошо, но это вовсе не значит, что нужно снова перемывать ей кости.

– Лиз, послушай, ну извини. Я не хочу говорить о ней дурно, правда. Но все это выглядит как-то странно.

Элизабет вздохнула.

– Мне, к сожалению, нечего сказать на это, и дело в том, что вся эта ситуация меня тоже беспокоит. Но не потому, что я считаю Джессику виноватой, – торопливо добавила она, все еще обиженная на Тодда за его нелестные замечания в адрес сестры. – У меня какое-то странное недоверие к Джеку. Начать с того, что он играет в очень опасную игру с Джес и Лилой. Для кого-то из них она может плохо кончиться, а может быть, и для всех троих. – Она покачала головой. – А потом еще эта конспирация Джессики – она не хочет, чтобы кто-нибудь узнал об их встречах. Она мне этого не говорила, но у меня есть подозрение, что она просто боится, что Лила возьмет верх, и не хочет, чтобы все об этом говорили, если это случится. Это унизит ее еще больше. Откровенно говоря, я просто не могу понять, зачем она связалась с парнем, который ставит ее в такое положение.

– Может быть, у него есть какие-то особые достоинства, о которых мы ничего не знаем, – заметил Тодд, – но мне он сейчас показался... ну я не знаю... он был какой-то неживой. Ты понимаешь, что я имею в виду? – Тодд придвинулся к Элизабет и положил руку ей на плечо.

– Да, – согласилась Элизабет. – Он совсем был не похож на того энергичного, приветливого парня, каким казался на вечеринке у Лиды. Знаешь, он даже никак не отреагировал, когда я вставила эту французскую фразу, а ведь он должен бы в совершенстве владеть французским. – Элизабет помолчала. – Но может быть, он просто вымотался, – добавила она.

Лиз всегда старалась думать о людях только хорошее.

– Он ведь всю неделю занят на тяжелой работе.

– Может быть, ты и права, – ответил Тодд, перебирая ее волосы. – Но давай больше не будем о нем говорить. – Он притянул ее к себе. – Думаю, у нас найдется занятие поинтересней.

Когда их губы слились в нежном поцелуе, Джек был временно забыт.

– Что, если я куплю хлопьев и чего-нибудь попить? – предложила Джессика, когда они с Джеком уселись на свои места в центральном ряду.

Такому горячему поборнику независимости, как Джек, безусловно, должна была бы понравиться девушка, которая считала, что расходы нужно делить поровну.

– Давай, я сам куплю, – сказал Джек, поднимаясь.

– Нет, пожалуйста, мне хочется сделать это самой, – настаивала на своем Джессика и, потянувшись за сумочкой, остановила его рукой. Такой стиль поведения был скорее свойствен Элизабет, чем ей, но, раз Джеку нравились люди самостоятельные, она его не разочарует.

Открыв сумочку, Джессика стала на ощупь искать там свой кошелек. В ее ушах звучали при этом слова Элизабет:

«Знаешь, Джес, парня тоже можно иногда чем-то угостить – это только справедливо».

Вероятно, Элизабет кое-что в этом смыслила. В руки Джессики попала связка ключей, записная книжка и кое-

что из косметики. Она заглянула в сумку: карандаш, пересохшая ручка без колпачка, скомканная записка, которую сунула ей Кара в школьном читальном зале, но кошелек там не было. Она снова внимательно оглядела содержимое сумки: кошелек исчез.

– О боже! – воскликнула она. – У меня пропали деньги!

– Ты уверена? – спросил Джек, встревожен по наморщив лоб.

Джессика вскочила и высыпала на сиденье содержимое своей сумки. Кошелек среди этих вещей не было, как не было его и на полу, и нигде поблизости.

– Сколько там было? – спросил Джек, шаря под их стульями.

– Десятидолларовая купюра, несколько бумажек по одному доллару и мелочь, – ответила Джессика с досадой.

Джек успокаивающе сжал руку Джессики.

– Вероятно, ты оставила кошелек дома, – сказал он, пытаюсь ее успокоить. – Уверен, что он валяется на полу в твоей спальне или еще где-нибудь. Не волнуйся, он найдется.

Джессика, по-видимому, в этом очень сомневалась.

– Обязательно найдется, вот увидишь, – сказал Джек. – А я пока схожу за хлопьями. Успокойся и не думай об этом. – Он встал и по проходу между рядами отправился в буфет.

Но Джессика не могла успокоиться. Она продолжала лихорадочно искать кошелек, заглядывая под все сиденья не только в их ряду, но и впереди и позади них.

– Извините, – пробормотала она, протискиваясь мимо тучной женщины, сидящей рядом с ней. Встав на четвереньки, она заглянула еще под несколько стульев.

В этот момент вернулся Джек с большим пакетом кукурузных хлопьев, двумя банками кока-колы и коробкой изюма в шоколаде.

Джессика тут же прекратила свои поиски и страшно смутилась от того, что Джек застал ее в такой позе на липком полу кинотеатра. Яркая краска стыда залила ее щеки.

Но Джек, как настоящий джентльмен, поставил свои покупки на сиденье и помог Джессике подняться.

– Джес, потом мы обязательно найдем твои деньги, но сейчас искать бессмысленно. – Он усадил ее на место. – Так что пока забудь об этом. Это предписание врача, договорились? – Он взял лицо Джессики в свои ладони, нежно приподнял его и заглянул ей в глаза. – Договорились, Джес? – повторил он.

Джессика посмотрела в его красивое, с точеными чертами лицо, и пропажа кошелька тут же показалась ей ничего не значащей мелочью.

– Хорошо, доктор Джек, – пробормотала она, когда его рука легла на ее плечо.

И действительно, как только начался фильм, Джессика забыла обо всем, кроме его близости. Слушая певших с экрана «Битлов», она положила руку ему на колено. Несмотря ни на что, это будет чудесный вечер!

– Что ты скажешь об этом фильме? – спросил Джек, когда после окончания сеанса они шли к его машине.

– Мне понравилось, – ответила Джессика. – Представляю, как было бы здорово увидеть «Битлов», когда они выступали. Жаль, что это было так давно.

– Да, это была потрясающая группа, – согласился Джек, отпирая машину. – Но, согласись, что и сейчас есть очень неплохие ансамбли. Ну, например, «Полиция». Как они играют – просто блеск!

– Ты хочешь сказать, что слышал их на концерте? – спросила Джессика, когда они уже сидели в «рэмблере».

– Да. Они играли два вечера подряд на большом стадионе в Хартфорде, это было недалеко от того места, где находилась моя частная школа. Я с приятелями попал на второй концерт. Это было бесподобно.

Джек продолжал подробно описывать этот концерт, но Джессика слушала вполуха. В этом рассказе ее заинтересовало другое: Джек, сам того не замечая, дал ей ключ к разгадке его прошлого. Хартфорд. Джессика припомнила, что это где-то в штате Коннектикут. И Джек обмолвился, что учился в частной школе в тех местах. Итак, все сходится. Джек действительно был парнем, знакомством с которым можно было гордиться. Самые лучшие частные школы в стране были сосредоточены в Новой Англии, и все знатные люди посылали туда своих детей. Но тем не менее Джессика все еще оставалась в неведении, кто же такой был Джек на самом даче.

Она представила себе, как, опираясь на его руку, она входит с ним в похожий на дворец величественный особняк, который он называл своим домом. (Ведь само собой разумеется, что, вкусив независимости, он вернется в отчий дом, где его примут с распростертыми объятиями.)

«Это леди Джессика», – будет говорить он, представляя ее всем слугам.

Для членов семьи она станет просто «Джессикой, самым близким ему человеком». А она будет приветствовать их снисходительным кивком головы. И, конечно, в ее честь устроят такой прием, по сравнению с которым вечеринки Лилы покажутся жалким убожеством...

Лила. При воспоминании о сопернице Джессика вернулась к суровой реальности. Не будет никакого приема, не будет визита в прекрасный замок, пока Лила не исчезнет со сцены. Джессика должна поговорить об этом с Джеком. Прямо сейчас. Собираясь с духом, она взглянула на его профиль и глубоко вздохнула.

– И тогда они снова сыграли на бис, – заканчивал Джек свой рассказ о рок-концерте. – Это была моя любимая песня «С каждым твоим дыханием». Джес, как жаль, что со мной тогда не было тебя.

– Джек, эти слова ты, вероятно, говоришь всем девушкам. – Тон Джессики ясно говорил, что это не только шутка.

– Каким девушкам? – спросил Джек, являя собой картину самой невинности.

– Перестань. Все знают о твоих встречах с Лилой. – Джессика в упор смотрела на Джека своими зеленовато-голубыми глазами, но лицо его оставалось бесстрастным. – Я, конечно, не думаю, что для такого поведения у тебя не было серьезных оснований, – добавила она, давая ему понять, какой именно ответ ей хотелось бы услышать.

– Какого поведения? – Джек свернул на извилистую дорожку, ведущую смотровой площадке, откуда открывался живописный вид на лежащую внизу долину.

Сюда часто приезжали молодые пары, но, очевидно, вовсе не затем, чтобы любоваться окрестностями.

Джессика почувствовала, что в ней закипает гнев. Зачем Джек занимается с ней этой совершенно очевидной словесной игрой в «кошки-мышки»?

– С Лилой ты, наверное, тоже сюда приезжал? – выпалила она, когда впереди показалась смотровая площадка.

– Джессика, с Лилой мы просто друзья. Я не знаю, откуда у тебя другие сведения.

– Ты хочешь сказать, что все эти выходные ты провел не с ней? – продолжала свой допрос Джессика.

Джек въехал на площадку, припарковав свой «рэмблер» рядом с несколькими другими машинами.

– Ну, я был с ней, – оправдывался Джек, – но...

– Но что? – Теперь уже в голосе Джессики звучали обвинительные интонации.

– Слушай, Джессика! – В этих двух словах, хоть и ска-

занных тихо, ей послышалось столько злости, а лицо его вдруг приняло такое недоброе выражение, что Джессике стало страшно.

Но это длилось всего секунду: Джек сильно потряс головой, и лицо его смягчилось. Испуг Джессики сразу же прошел.

– Джессика, – на этот раз он произнес ее имя с нежностью, – я действительно предложил Лиле провести со мной вечер в пятницу. Она же пригласила меня на вечеринку, когда мы были едва знакомы. Я чувствовал себя обязанным перед ней.

Джек говорил Лиле буквально то же самое, в чем она на прошлой неделе убеждала Элизабет. Джессика почувствовала, что сердится на него уже меньше.

– А потом она пригласила меня провести субботу на ее парусной яхте, – объяснил Джек.

– И ты согласился? – Джессика опять перешла в наступление.

– Джес, неужели ты никогда не принимала приглашение пойти куда-нибудь с парнем, который тебе не больше чем друг?

Тут уже Джессике крыть стало нечем. Всего несколько дней назад она отправилась с Кеном Мэтьюзом кататься на водных лыжах. Она прекрасно провела этот день, хотя, как должна была самой себе признаться Джессика, ни она, ни Кен не возлагали на эту встречу никаких романтических надежд.

– Ну допустим, я попадала пару раз в такие ситуации, – согласилась Джессика. – Но что ты скажешь о воскресенье? Лила говорила, что и тогда вы с ней виделись.

– Это правда. – Джек открытым взглядом посмотрел Джессике в глаза. – Но это было не намеренно. Мы случайно встретились в торговой аллее и пообедали вместе.

– И ты думаешь, что я этому поверю?

– Надеюсь, что поверишь, – Джек нежно сжал ее руку, – потому что так все и было.

В глазах Джессики оставалось сомнение.

– Пожалуйста, поверь мне, – прошептал Джек. – Я люблю только тебя.

Джессика повернулась к нему. На его волевой подбородок и точеные скулы падал лунный свет, проникавший в окно «рэмблера».

– Мне очень хочется верить тебе, – ответила Джессика осторожно. – Но Лила уверена в том, что нравится тебе.

– Значит, она ошибается. Я отношусь к ней, как друг. Ты же должна понять меня, Джессика. Ведь она и твоя подруга. Но никаких других чувств я к ней не испытываю. – Выражение его лица стало суровым. – Думаю, придется сказать ей об этом – другого выхода у меня нет.

– Когда? – потребовала Джессика.

– В пятницу. Я увижу ее в пятницу. И скажу ей все, что только что сказал тебе.

На лице Джессики появилась радостная улыбка.

– О, Джек, я знала, что ты так и сделаешь. – Теперь она стала сама доброта и нежность.

Остаток вечера прошел отлично. Джессика так и не нашла своего кошелька, но ей казалось, что она приобрела нечто неизмеримо большее – любовь Джека, любовь только к ней одной.

Когда у порога ее дома они с Джеком поцеловались на прощание, Джессика была очень довольна собой.

«На счету Джессики Уэйкфилд еще одна победа», – мысленно поздравила она себя.

8

«Все!» – с удовлетворением подумала Элизабет, внося последние поправки в очередной номер «Оракула».

Она уложилась в срок – сегодня был еще только четверг, а газета уже сверстана и готова для отправки в типографию. Пенни будет ею довольна!

Откинувшись на спинку стула, она огляделась вокруг. В помещении редакции никого, кроме нее, не было. Даже штатные сотрудники, задержавшиеся, чтобы помочь ей, давно разошлись по домам.

За окнами уже стемнело – небо было темно-багряным. Элизабет потянулась, подняв руки над головой. Она очень устала, но испытывала огромное удовлетворение от сознания того, что сумела сделать такую работу. Она уже представляла себе, как ее друзья и все другие ребята в школе будут читать газету, в создание которой она вложила столько души.

Она в последний раз все проверила и аккуратно сложила готовый номер в ящик стола Пенни, заперев его на ключ, висевший, вместе с ее собственным ключом от помещения редакции, у нее на шее на тонкой белой ленточке.

Она встала и собрала свои вещи, впервые за весь вечер почувствовав, как проголодалась. Пожалуй, по пути домой она зайдет в кафе «Кейзи» и съест там порцию пломбира. Эли-

забет знала, что по этому поводу сказала бы ее мама: «Мороженое не может заменить полноценного ужина», но она уже чувствовала во рту вкус нежного сливочного пломбира. К тому же после такой работы она считала себя вправе полакомиться.

Элизабет огляделась в последний раз, чтобы убедиться, что все лежит на месте, выключила верхний свет и вышла из комнаты. Закрывая дверь, она вдруг наткнулась на кого-то, стоявшего за ее спиной. Стараясь не закричать, она резко повернулась. В тусклом свете, отбрасываемом светящимся возле лестницы указателем запасного выхода, она увидела младшую сестру Пенни Айала – Тину, которая казалась такой же напуганной, как и она.

– Тина! Как ты меня испугала! – воскликнула Элизабет. – Что ты здесь делаешь? Уже девять часов.

– Без пятнадцати, – поправила Тина чуть дрожащим голосом.

– Что случилось? Тебя что, прислала Пенни с какими-нибудь срочными указаниями? – «Как раз тогда, когда я все закончила», – подумала Элизабет.

– Нет, Пенни ничего мне не поручала.

Элизабет вздохнула с облегчением.

– Значит, ты хотела поговорить со мной?

– Не совсем, – уклончиво ответила Тина. – Говоря по правде, я не думала, что застану тут кого-нибудь в такое время.

– Да? – Элизабет выглядела озадаченной.

Все это было очень странным. Что могла здесь делать Тина? Она показалась ей такой приветливой и открытой при их последней встрече.

И тут Элизабет заметила, что Тина старается спрятать за спину правую руку. Но делала она это не совсем ловко, и Элизабет сумела разглядеть, что в этой руке она держит несколько черно-белых фотографий. Элизабет сразу же поняла, что делала Тина возле редакции «Оракула» и почему она не хотела, чтобы ее увидели.

– Это ты! – воскликнула Элизабет. – Это ты тот самый фотограф-призрак, да?

На пухленьком лице Тины застыла тревога.

– Ты ведь никому не скажешь, нет?

– Пенни велела мне выяснить, кто делает эти снимки...

– Нет! – В пустом школьном холле крик Тины прозвенел особенно громко. – Не говори ей!

– Тина, я не могу понять, почему ты так нервничаешь, – мягко сказала Элизабет. – Все в восторге от твоих фотографий.

На лице Тины появилась слабая тень улыбки, но тут же пропала.

– И особенно – твоя сестра, – добавила Элизабет.

– В самом деле? – в голосе Тины было неподдельное изумление.

– В самом деле, – заверила ее Элизабет. – Она сказала мне,

что хочет включить этого таинственного фотографа в штат.

Тина опять улыбнулась, но лишь на секунду.

– Она изменит это решение, как только узнает, что это я,
– грустно сказала она, и уголки ее губ опустились.

– Но почему? – Элизабет в недоумении покачала головой.
– Пенни всегда держит свое слово, я это точно знаю.

– Может быть и так, но только если это касается других, а я – только ее ни на что не годная младшая сестра. Ребенок. – Тина проглотила ком в горле. – Когда я была маленькой, все вокруг говорили: «Пенни написала потрясающую работу», или «Пенни получила первый приз», или «Смотри, как это делает Пенни. Она настоящий профессионал». И с тех пор почти ничего не изменилось. Пенни по-прежнему выдающаяся личность – главный редактор газеты, круглая отличница, готовящаяся к поступлению в самый лучший колледж. – В глазах Тины стояли слезы. – В «Оракуле» не будет места для нас двоих. Соперничать с ней я и думать не могу, так зачем и пытаться?

Элизабет положила руку на ее плечо.

– Тина, соперничество здесь не при чем. Пенни – редактор газеты, а не фотограф. Вы будете работать вместе, в одной команде.

Тина на минутку задумалась.

– Нет, – сказала она. – Пенни не сможет относиться ко мне серьезно. Ее несмышленная сестра в газете, наравне со старшеклассниками? Ничего из этого не выйдет.

– Почему ты в этом так уверена? – спросила Элизабет. – Мне кажется, что Пенни ценит талант в людях.

– Да, если только речь не обо мне, – ответила Тина. – Потому-то я и стала оставлять вам эти снимки анонимно.

– Тина, посмотри на все это с другой стороны, – сделала еще одну попытку Элизабет. – Пенни сказала мне совершенно определенно, что считает анонимные снимки великолепными и с удовольствием возьмет в штат их автора. Когда она узнает, что этот автор ты, это заставит ее посмотреть на тебя серьезно, как на талантливую человека, который может сделать что-то стоящее. Ты тогда перестанешь быть для нее просто малышкой Тиной.

Тина долго молчала. Наконец она медленно кивнула головой.

– Ты так убедительно все это говоришь, Лиз.

– Так, значит, ты сделаешь это? Ты скажешь Пенни, что ты автор всех этих снимков? – спросила Элизабет.

Тина побледнела.

– А что, если я скажу ей об этом? – быстро предложила Элизабет, боясь, как бы Тина не пошла на попятный.

Тина улыбнулась, и на этот раз улыбка задержалась на ее лице.

– Тебе это будет нетрудно? – спросила она с благодарностью.

– Нисколько. Я думаю, что совместная работа принесет пользу вам обоим.

Все еще сжимая в руке свои последние снимки, Тина, не скрывая охватившей ее радости, обняла Элизабет.

– Лиз, я так тебе благодарна. Если когда-нибудь я смогу для тебя что-то сделать...

Элизабет весело рассмеялась:

– Ты можешь приступить к этому прямо сейчас – показать мне снимки, которые ты держишь в руке. Я стораю от любопытства.

– Конечно! – ответила Тина, вручая Элизабет три фотографии. – Я решила сдаться серию снимков, посвященных нашей внешкольной жизни. Эти три фотографии мне нравятся больше всего. Но нам будет очень трудно разглядеть что-нибудь при таком освещении. – Она указала рукой на тускло светящийся указатель.

Элизабет нащупала у себя на шее ключ от комнаты «Оракула», открыла дверь и, войдя внутрь, включила свет.

– Тебе уже нужно потихоньку привыкать к этому месту, – пошутила она, когда Тина вошла в комнату вслед за ней. – Теперь ты будешь проводить здесь много времени!

– Надеюсь, что так, – ответила Тина.

Элизабет присела на ближайший стул и взглянула на первую фотографию. Она была сделана в комнате игровых автоматов ресторана «Дэйрл Берджер»:

Аллен Уолтес, фотокорреспондент «Оракула» и большой дока по части математики и точных наук, с ожесточением вел битву со своим противником на видеоэкране. На следующем

снимке было видно, как Диди Гордон балансирует на доске для серфинга, а на нее катит огромная волна.

– Как хорошо тебе удалось поймать этот момент! – воскликнула в восхищении Элизабет. – Прекрасные снимки, Тина. – Она поощрительно улыбнулась Тине, положила просмотренные фотографии на ближайший стол и взяла третью, последнюю. То, что она увидела, заставило ее ахнуть от ужаса.

Тина, по-видимому, отправилась на летное поле, чтобы сфотографировать ребят, учащих пилотажу. На снимке, который Элизабет держала в руке, были Робин Уилсон и Джордж Уоррен на фоне маленьких самолетов. И они стояли, сжимая друг друга в горячих объятиях!

Этим же вечером Элизабет сидела в кабинете, мрачно уставившись в экран телевизора. Шел ее любимый старый фильм «Мальтийский сокол» с Хамфри Богартом в главной роли. Но она почти не замечала того, что происходит на экране, – перед ее глазами стояли обнимающиеся Джордж и Робин. Что будет, если об этом узнает Инид? Это будет для нее страшным потрясением. Элизабет, как ее самая близкая подруга, должна защитить ее от этого удара, разве нет? А может быть, ее долг – позаботиться о том, чтобы Инид не обманывали?

Элизабет ломала голову над тем, что делать, в то время как Боги, играющий роль детектива Сэма Спейда, пытался отыскать все время ускользающую от него статуэтку сокола,

за которой охотилось столько народу.

Одно она знала твердо: снимок, сделанный Тиной, никто, кроме них двоих, не увидит. Они пришли к этому решению, когда Элизабет объяснила Тине всю щекотливость этой ситуации.

– О боже, – простонала Тина. – А я подумала, что это будет романтическая фотография счастливых влюбленных.

– Не вини в этом себя, – утешала ее Элизабет. – Такое в жизни случается.

«Но почему это должно случиться с таким милым и добрым человеком, как Инид?» – подумала Элизабет.

Эта мысль все никак не оставляла Элизабет, пока Сэм Спейд на телеэкране распутывал свою детективную историю.

«Это несправедливо. Инид этого не заслужила».

Внезапно в комнату, танцуя на ходу, влетела Джессика и уселась рядом с сестрой.

– А, Хамфри Богарт. Прекрасно! – Она подоткнула под голову подушку и положила ноги на стоящий перед ней маленький столик. – Что за фильм? – спросила она, игриво ткнув Элизабет между ребрами.

– «Мальтийский сокол», – ответила Элизабет на одной ноге.

Резким движением Джессика повернула голову в сторону сестры и с любопытством на нее посмотрела.

– Почему ты говоришь таким умирающим голосом, Лиз? В чем дело? Мне казалось, что ты любишь этот фильм.

– Люблю.

– Тогда почему у тебя такое вытянутое лицо? Что случилось?

– Ничего.

«Никто не должен об этом знать, пока ситуация не прояснится», – подумала Элизабет.

Джессика пожала плечами.

– Ну, дело твое, – заявила Джессика, переключив внимание на Богарта, который был теперь занят расследованием хитроумных махинаций мошенников.

Но через несколько секунд она вновь повернулась к Элизабет.

– Это из-за Тодда? – спросила она.

– Что из-за Тодда? Джессика, я ведь уже сказала тебе: ничего не случилось. – Чтобы успокоить сестру, Элизабет заставила себя улыбнуться.

– Ну ладно. Если мы не можем разговаривать о тебе, может быть, поговорим обо мне? – предложила Джессика. – Разве тебе не интересно, как я провела вечер?

Элизабет вздохнула. Ей очень хотелось побыть одной, чтобы спокойно подумать о том, как ей следует поступить в этой ужасной ситуации с Инид и Джорджем. Но если она сейчас откажется выслушать сестру, то Джес обязательно догадается, что за этим кроется что-то серьезное. Тогда она не отстанет от Элизабет, пока не узнает все до конца.

– Хорошо, – согласилась Элизабет. – Так как же ты про-

вела вечер?

– Я уже подумала, что ты меня об этом так и не спросишь, – полным драматизма голосом сказала Джессика. – Это было потрясающе! Нам с Джеком было так хорошо вместе!

Элизабет удивленно подняла бровь.

– Опять Джек?

Джессика кивнула, весь ее вид говорил о том, что она безмерно счастлива.

– Мы катались в его машине вдоль берега моря. А потом мы зашли в очень уютную устричную с окнами на море.

– Да, я знаю это место. Тодд как-то возил меня туда. Там все кажется очень романтичным, правда? – заметила Элизабет, вспомнив о чудесном вечере, проведенном там с Тоддом.

Глаза Джессики приняли мечтательное выражение.

– Для меня станет романтичным любое место, если со мной рядом окажется Джек. И скоро он будет принадлежать только мне, – добавила она удовлетворенно. – Завтра вечером он все скажет Лиле. И тогда никто не сможет нам мешать.

Элизабет внимательно всмотрелась в сияющее радостью лицо Джессики. Может быть, она была права в своем отношении к Джеку? Хотелось бы надеяться на это. В конце концов, разве мог он быть плохим парнем, если делал такой счастливой ее сестру?

– Я рада за тебя, Джес, – искренне сказала она.

– Правда? Ты это серьезно? – Зеленовато-голубые глаза Джессики засияли еще ярче.

– У тебя такой счастливый вид. Как я могу не быть этим довольной?

– Лиз, ты моя самая любимая сестра на свете! – Джессика бросилась ей на шею.

– Я твоя единственная сестра, дурочка. – Она любовно взъерошила волосы Джессики.

«Как хорошо видеть сестру в таком приподнятом настроении», – подумала Элизабет.

И тут же решила быть более приветливой с Джеком. Тот, кто любит ее сестру, безусловно заслуживает этого.

Когда Элизабет ложилась спать, настроение ее чуточку улучшилось. Инид и Джордж продолжали ее волновать по-прежнему, но теперь у нее хотя бы не было страха за Джессику. Она была рада, что ошиблась, думая о Джеке плохо. Завтра же он внесет ясность в свои отношения с Лилой, и ее сестра будет самой счастливой девушкой в Ласковой Долине.

9

– Ли́ла, – проворковал Джек, – кажется, я влюбился в тебя.

Они сидели, потягивая вино в скульптурном парке Фаулеров, а над ними в ночи ярко мерцали звезды.

– Я тоже люблю тебя, Джек! – Ли́ла как можно ближе придвинулась к нему, положив голову ему на грудь. Ей хотелось, чтобы этот миг длился вечно – так приятно было чувствовать, как ее обнимают его мускулистые руки, вдыхать запах его сильного тела.

«Что может быть прекраснее?» – подумала она.

– С каждой нашей встречей меня тянет к тебе все сильнее, – говорил он, осторожно касаясь пальцами ее лица.

– Меня к тебе тоже. – В голосе Лилы звучала нежность. – Пршлым вечером я чувствовала себя такой счастливой, что казалось, счастливее и быть нельзя. Но сегодня я люблю тебя еще сильнее. С каждым днем я люблю тебя все больше. – Она коснулась его губ своими губами.

Джек сделал маленький глоток марочного французского вина из превосходного винного погреба Фаулеров. Джордж Фаулер опять уехал куда-то по делам, и Ли́ла воспользовалась этим, чтобы угостить Джека лучшим вином из их коллекции. Отец строжайше запретил ей пить спиртное, но она подумала, что он не заметит исчезновения одной бутылки. К тому же указанный на этикетке срок выдержки произвел на

Джека сильное впечатление – ради этого можно было рискнуть, пусть даже отец и отругает ее, когда вернется.

– Ммм, – сказал Джек, покачивая бокалом и смакуя изумительный букет вина, – этот напиток почти так же прекрасен, как и ты. Но ты все-таки еще прекраснее. – Он поставил бокал на маленький столик рядом с собой и обхватил ее лицо своими большими сильными руками. – Ты такая красивая, – пробормотал он. – Лила, я думал, что никому не скажу этих слов, но с тобой мне хотелось бы быть вместе всю оставшуюся жизнь.

Лила в радостном изумлении широко раскрыла глаза.

– Ты говоришь это серьезно? – спросила она недоверчиво.

– Я хочу быть с тобой навеки, – прошептал Джек, покрывая ее нежными поцелуями. – Ты – моя единственная любовь.

– А ты – моя, – взволнованно ответила Лила. – На всю жизнь. – Тут голос ее осекся, и ее охватила восторженная дрожь.

«Навсегда. Навечно. Неужели это правда? Она и Джек – они теперь неразлучны».

При мысли об этом рассудок ее слегка затуманился, она была в состоянии какой-то радостной эйфории, от которой кружилась голова.

Их помолвка войдет в историю. Для начала они устроят великолепный прием – такой праздник в честь их любви, которого еще не видела Южная Калифорния. Тосты за счастье

молодой четы будут произносить известные общественные деятели; репортеры будут щелкать затворами фотоаппаратов, чтобы запечатлеть на пленке это грандиозное событие; и в центре всего этого празднества – сама Лила. К зависти всех девчонок не только в Ласковой Долине, но и во всем штате.

– Да, навеки, – говорил Джек. – Навсегда вместе. Когда-нибудь ты станешь моей женой – я очень этого хочу.

– О, Джек, я тоже хочу этого! – Лиле показалось, что она сейчас упадет в обморок от переполнявшего ее счастья. Она уже видела крупные заголовки в «Новостях Ласковой Долины»:

«Мисс Лила Фаулер, дочь миллионера и владельца фирмы по изготовлению компьютерных плат, помолвлена...»

– Конечно, пока это должно оставаться в тайне. – Голос Джека вернул ее к действительности.

– Да? – К ликующему настроению Лилы приметался какой-то неприятный осадок. – Но почему?

Она высвободилась из его объятий и вопросительно взглянула на него.

– Лила, мой отец может узнать, где я нахожусь. Я не могу пойти на такой риск. – Минуту помолчав, он добавил: – Пусть это останется между нами, хорошо?

Блеск ее глаз несколько померк. Не будет большого приема в честь их помолвки? И на ее пальце не засверкает обручальное кольцо на зависть всем в Ласковой Долине?

– Знаешь, если все это каким-то образом просочится в

прессу, у меня могут быть большие неприятности, – добавил Джек. – Об этом тут же раструбят все газеты.

– Ты думаешь? – Мысли Лилы переключились на Джека.

Кто же он такой, чтобы журналисты с такой готовностью набрасывались на любые сведения из его жизни? Значит, он очень важная птица. Глаза ее снова радостно загорелись.

– Джек, я не скажу ни одной живой душе, – пообещана Лила. – Мы будем вместе, а все остальное не имеет значения.

– Я рад, что ты это сказала. – Джек взял ее за руку. – И я предлагаю в ознаменование нашей любви назвать твоим именем какую-нибудь звезду. Вот эту, – сказал он, протягивая вверх руку, – потому что она светит ярче всех. Теперь, всякий раз, как я взгляну на нее, я буду вспоминать об этой чудесной ночи.

– О, Джек, как это романтично.

– А завтра вечером мы с тобой устроим себе праздник – только для нас двоих, хорошо?

Завтра... Это будет воскресенье – день, когда она ждала возвращения отца. И снова Лила упала с небес на землю, и снова растаяли ее радужные мечты. Джек так и не был представлен ее отцу. И ни их помолвка, ни его знатное происхождение, будь он хоть Астор, Дюпон или Вандербильт, не заставят сейчас ее отца признать его: для него он будет только мальчишкой, послушавшимся воли отца. Размышляя об этом, Лила поняла, что ее с Джеком договор о неразглашении тайны их отношений был не менее важен для нее самой.

– Джек, – сказала Лила обеспокоено, – я боюсь, что завтра мы не сможем здесь встретиться. Мой отец, он устраивает небольшой званый обед, – солгала она неуверенным голосом, скрестив у себя за спиной пальцы свободной руки.

Ну как можно сказать парню, с которым уже почти помолвлена, что она боится представить его своему отцу?

Но Джека это несколько не смутило.

– Ну тогда нам придется отправиться ко мне, – сказал он.

Лила испытала огромное облегчение. Неприятностей удалось избежать. По крайней мере, сейчас.

– У тебя дома – это чудесно, – проговорила она, снова положив голову ему на грудь и вся отдаваясь всепоглощающему ощущению счастья от того, что он рядом.

Она когда-нибудь потом будет беспокоиться о том, как отнесется ко всему этому ее отец. Взглянув на усыпанное звездами небо, она подумала, что это был просто сказочный вечер – вечер, который она будет помнить всегда, потому что провела его в объятиях самого красивого на свете парня, появившегося в Ласковой Долине загадочного принца, назвавшего ее своей невестой.

В доме у подножия холма, на котором раскинулось обширное поместье Фаулеров, Элизабет Уэйкфилд провела этот вечер далеко не так счастливо, как Лила. Ее свидание с Тоддом было испорчено неотступными мыслями об Инид, Джордже и Робин, и, как она ни пыталась, ей не удалось скрыть от него свое беспокойство.

Когда же он стал настаивать на том, чтобы она рассказала ему, что ее так тревожит, Элизабет не смогла этого сделать. Она вполне могла положиться на Тодда: ему можно было доверить любые тайны. Но, если Инид не знала о Робин и Джордже, Элизабет считала себя не вправе рассказывать о них кому то еще. Даже Тодду.

Она знала, что ей было бы намного легче, если бы она могла все ему рассказать. Ей очень хотелось поговорить с кем-нибудь обо всей этой неприятной истории. Но это было бы несправедливо по отношению к Инид.

В конце концов Элизабет сказала Тодду, что не совсем хорошо себя чувствует, что было отчасти правдой, и рано вернулась домой. Теперь она лежала в постели, беспокоясь и пытаясь придумать, как помочь Инид. Стоит ли ей поговорить с ней об этом? Сказать ей о том, что она видела? В этом заключался первый вопрос. Ведь в действительности Элизабет не видела ничего, кроме фотографии. И о чем она говорила? Может быть, в том, что Робин и Джордж стояли обнявшись, не было ничего плохого? Может быть, это был всего лишь мимолетный дружеский поцелуй от полноты чувств по поводу успешного полета? Из того, что Элизабет увидела на сделанном Тиной снимке, ей показалось, что это, к сожалению, не так. Но в последнее время она перестала доверять чутью. Ведь Джек, к которому она относилась с таким недоверием, оказался совсем неплохим человеком, и с Джессикой у них все было хорошо. Нет, она не может по-

лагаться только на свою интуицию. И это было еще одним вопросом. А если допустить, что между Джорджем и Робин действительно что-то было, вправе ли была Элизабет вмешиваться? Это был уже третий мучивший ее вопрос.

После долгих раздумий Элизабет пришла к выводу, что ей оставалось только одно: завтра, когда курсантам будут вручаться свидетельства, она приедет на летное поле и сама поговорит с Джорджем и Робин. Только они могли положить конец ее страхам или подтвердить самые худшие ее подозрения.

Остаток ночи она провела, все так же беспокойно ворочаясь в постели, с тревогой думая о завтрашнем неприятном разговоре: беседа с Джорджем и Робин не сулила ничего хорошего. Элизабет снова и снова перебирала в уме возможные варианты предстоящей встречи с ними. Несколько раз ей приходила в голову мысль о том, чтобы оставить все так, как есть, и ни во что не вмешиваться. Но бездействие будет худшим из всех решений: тогда ее совсем замучают угрызения совести.

Наконец Элизабет забылась тревожным сном. Но и во сне ей не давали покоя Инид и Джордж, Джордж и Робин, Инид и Робин. Даже Ронни Эдвардс, прежний парень Инид, мимолетно промелькнул в ее сновидениях в каком-то фантастическом окружении.

Элизабет с облегчением проснулась от запаха свежесваренного кофе и жарящегося бекона, доносящегося снизу: на-

чинался новый день. Ее тревожный сон совсем не освежил ее, а измучил еще больше, и она была рада, что нужно вставать.

За завтраком она в основном молчала, с готовностью уступив инициативу Джессике, которая не упустила возможности рассказать родителям о Джеке и о всех его достоинствах.

Элизабет старалась протянуть завтрак как можно дольше, выпив несколько чашек кофе, а потом, не торопясь, мыла посуду, вызвавшись сделать это без помощи Джессики. Но в конце концов она уже не могла больше оттягивать выполнение своей неприятной обязанности. Она отправилась в кабинет, где ее мать работала над эскизами интерьера, и попросила разрешения воспользоваться «фиатом».

– Не имею никаких возражений, – сказала Элис Уэйкфилд, на минуту оторвавшись от своей работы. – А куда ты на нем поедешь?

Элизабет чувствовала себя неловко под пристальным взглядом матери.

– Мне хочется посмотреть, как курсантам будут вручать свидетельства на право управления самолетом. Сегодня последний день в учебной программе, и я могла бы написать об этом статью для «Оракула». Это будет как бы продолжением статьи, которую написала Робин Уилсон.

Так же, как и прошлым вечером с Тоддом, объяснение, которое она привела матери, было в какой-то степени правдивым, но в нем была не вся правда. Джессике такие вещи уда-

вались очень легко, но Элизабет, которая твердо была убеждена в том, что всегда нужно говорить всю правду и ничего, кроме правды, чувствовала себя виноватой и стояла, опустив глаза.

– Конечно, ты можешь взять машину, – сказала ей мать. – Но с тобой все в порядке, Лиз? За завтраком ты не сказала почти ни слова.

– Со мной все нормально, мам. – Элизабет постаралась сказать это как можно более убедительно.

Но, усевшись в маленький красный «фиат» с откидным верхом и включив зажигание, она вдруг ощутила, как все ее дурные предчувствия навалились на нее страшной тяжестью.

Она почти автоматически вела машину по ведущей на летное поле извилистой дороге и, одолеваемая мрачными мыслями, не замечала живописного холмистого пейзажа, открывающегося из окон машины. Когда местность приняла более ровные очертания и на горизонте показались маленькие самолеты, желудок ее судорожно сжался.

Через несколько минут Элизабет въехала на стоянку недалеко от края взлетной полосы. Выйдя из машины, она увидела, что торжественная церемония уже началась. Одетый в летную форму человек выкрикивал фамилии курсантов, и новоиспеченные пилоты подходили по одному и получали свои свидетельства. Элизабет подошла поближе и в группе стоящих перед ней ребят уже различала знакомые лица своих одноклассников. Обведя взглядом собравшуюся тол-

пу, она вдруг ясно увидела улыбающуюся красивую Робин Уилсон. А рядом с ней стоял Джордж Уоррен.

Элизабет охватила паника.

«О нет, это правда», – подумала она, и ее первой реакцией было желание повернуться и бежать отсюда без оглядки. По внутренний голос сказал ей:

«Только не это. Ты пришла сюда, чтобы поговорить с Джорджем и Робин, а не делать поспешных выводов».

Ведь они, в сущности, ничего такого не делали, просто стояли рядом. Это еще ничего не докалывало. Кроме того, фамилии курсантов назывались в алфавитном порядке. У Элизабет появилась слабая искорка надежды, и она ухватилась за нее. Уилсон, Уоррен... да, они могли стоять вместе и по этой причине.

Но через несколько минут напряженного ожидания надежда растаяла, как дым. Элизабет наблюдала за тем, как Робин вышла за получением свидетельства, и за ней сразу же последовал Джордж. Поздравления, которыми они обменялись после этого, были отнюдь не товарищескими. Элизабет хотелось провалиться сквозь землю. Но она все же терпеливо ждала, когда они наконец перестанут обниматься и вернуться на свои места.

Первым заметил ее Джордж.

– Лиз! – воскликнул он испуганным голосом.

Они с Робин обменялись быстрыми, нервными взглядами и торопливо отошли чуть подальше друг от друга. Но в этом

уже не было никакого смысла.

Робин пристыженно опустила голову.

– Ты ведь какое-то время наблюдала за нами, да? – спросила она, все еще уставясь в землю.

– Боюсь, что да. – Элизабет теребила свой белокурый «конский хвост», такая же смущенная, как и они. Глубоко вздохнув, она рассказала им о фотографии, показанной ей Тиной Айала, и о том, что решила сама все проверить, прежде чем делать какие-либо выводы.

– Я все надеялась, что это окажется не так, – сказала она, – но теперь, когда я знаю, что все это правда, я... ну я просто не знаю, что и сказать. – Она беспомощно развела руками.

Робин всегда относилась к ней по-дружески, а с Джорджем куда только не ходили они вместе: на пляж с Инид и Тоддом, на дискотеку в субботние вечера. Сколько раз они ужинали вчетвером! Обычно и с Робин, и с Джорджем Элизабет могла говорить о чем угодно, но сейчас от смущения не могла вымолвить ни слова. Она как бы раздвоилась: одна ее половина хотела вопить и в ярости топтать ногами, в то время как другая – тихо удалиться и сделать вид, что ничего необычного не происходит.

– Лиз, – заговорил Джордж, – я знаю, как тебе это тяжело, но не стану лгать. Это правда: Робин и я... ну мы полюбили друг друга. – Он бросил нежный, восхищенный взгляд в сторону Робин.

Затем, взяв себя в руки, продолжал:

– Поверь мне, Лиз, как ни странно это звучит, мы сами долго надеялись, что все это не так. Мы уверяли себя, что между нами просто дружба и ничего больше. Мы пытались подавить наши чувства из-за Инид. И из-за Аллена тоже.

Аллен Уолтерс, давно влюбленный в Робин, был очень умным, застенчивым мальчиком. Он полюбил Робин в те времена, когда она была толстой и никому больше не нравилась. И когда, как бабочка из кокона, появилась красивая и стройная новая Робин и каждый парень в Ласковой Долине мечтал о свидании с ней, она никуда ни с кем, кроме Аллена, не ходила. До сих пор.

– Но в конце концов мы вынуждены были признать, что это выше наших сил, – продолжал Джордж.

Элизабет сильно прикусила дрожащую нижнюю губу. Может быть, предполагалось, что она должна восхищаться честностью Джорджа, но она не могла думать ни о чем, кроме своей подруги. Перед мысленным взором Элизабет так и стояло лицо Инид, чьи зеленые глаза загорались радостью всякий раз, когда она была с Джорджем.

– Как ты мог так поступить с Инид? – только и смогла сказать Элизабет, пытаясь проглотить ком в горле.

По щеке Робин покатилась слезинка, а за ней очень быстро другая.

– Лиз, мы не хотели этого. Честно. Ведь Инид всегда была так добра ко мне, а Аллен – да он самый лучший парень в мире. Но... но мы с Джорджем ничего не можем поделать с

нашими чувствами, как бы мы ни пытались. – Робин разрыдалась.

Взглянув на залитое слезами красивое лицо Робин, Элизабет несколько смягчилась.

– Вероятно, это и в самом деле невозможно, – ответила она, глубоко вздыхая. – И мне, наверное, надо было бы пожелать вам счастья.

– А ты не можешь этого сделать? – печально спросил Джордж внезапно осипшим голосом. – Лиз, я всегда считал тебя своим другом. Пусть так и будет впредь. – Его серые глаза смотрели на нее с мольбой.

На лице Элизабет отразились боль и смятение. Кому же она должна была хранить верность? Чьей дружбе?

– Конечно, ты мой друг, Джордж, – сказала она несчастным голосом, – но мне будет очень тяжело видеть, как страдает Инид.

– Мне тоже. – Он сказал это чуть слышно, и в уголках его глаз заблестели слезы. – Поэтому мне будет очень трудно сказать ей об этом.

– Но ты это сделаешь, – твердо настояла Элизабет. – Потому что держать ее в неведении нечестно. – В этом Элизабет теперь не сомневалась ни секунды.

Джордж кивнул:

– Мы с ней встречаемся здесь чуть позднее. Я обещал ей, что она будет первой, кого я возьму с собой в полет, как только получу свидетельство.

– Я помню. Она этого так ждала. – Элизабет всю неделю радовалась по этому поводу вместе с ней, но теперь голос ее звучал грустно. Если бы только Инид знала, какую цену ей придется заплатить за этот полет с Джорджем.

– Я знаю, – с трудом выговорил Джордж. – И я не лишу ее этой радости. Но потом мне придется все ей сказать. – Он вытер слезы рукавом рубашки.

– А я уже поговорила с Алленом сегодня утром, – шмыгая носом, сказала Робин, готовая снова расплакаться.

На ближайшей полосе готовился к взлету двухместный самолет. Элизабет стала наблюдать за этими приготовлениями, чтобы не смотреть на Робина и Джорджа.

– Я думаю, что иначе вы просто не можете поступить, – согласилась она, но в голосе ее была грусть.

Это было наилучшим решением, но оно принесет столько боли. Как все несправедливо! И Элизабет ничего не могла изменить.

Несколько натянуто простившись с Робин и Джорджем, Элизабет уехала все с тем же тяжелым чувством на душе. Она выполнила свою задачу: выяснила то, что хотела выяснить, но теперь ей было еще тяжелее, чем тогда, когда она ехала на летное поле. Примерно полчаса назад в ней теплилась крошечная искорка надежды. Теперь не было и ее. Ей оставалось только смотреть в лицо безжалостным, холодным фактам: Инид ожидает тяжелое потрясение. Но даже Элизабет еще не знала, какой жестокий удар приготовила судьба

ее лучшей подруге.

Собрав все силы, Лила попыталась подняться с постели. Но ужасная слабость в руках и ногах, которые, казалось, стали ватными, не позволила ей этого сделать, и она тут же снова упала на подушку.

– Черт, – пробормотала она в бессильной ярости, чувствуя, что комната плывет перед глазами, – я не должна заболеть сегодня. Я решительно отказываюсь! – Она сделала еще одну попытку встать и огромным усилием воли заставила себя спустить ноги с постели и сесть.

– Хорошо. Только не надо торопиться, – подбодрила она себя. Осторожно опустив ступни на пол, она встала. Ноги у нее подгибались, как у теленка, делающего первые шаги. Ухватившись рукой за тумбочку, она постояла, пытаясь придать ногам устойчивость, и сделала несколько быстрых шагов к большому зеркалу на дверце шкафа.

Увидев свое отражение, Лила издала пронзительный вопль. Под глазами, которые оказались красными и припухшими, лежали темные, отливающие синевой круги, нос покраснел, а щеки были белыми как мел.

– Ну почему это должно было случиться сегодня? – закричала она, топая ногой.

На шум в испуге прибежала Ева, маленького роста, с седыми, как снег, волосами, экономка Фаулеров.

– Лила, милая, у тебя все в порядке? – воскликнула она, входя в комнату.

– Нет, у меня все в полном беспорядке, – жалобно проговорила Лила, продолжая смотреть на себя в зеркало. – И я выгляжу, как что-то среднее между Дракулой и ведьмой. Ты можешь что-нибудь сделать, Ева?

Еве достаточно было лишь раз взглянуть на лицо Лилы, чтобы тут же все понять.

– Конечно, могу, – ответила она. – Первым делом я уложу тебя в постель. Затем я позвоню доктору Джонсону и попрошу его немедленно приехать, – заявила Ева, скрестив на груди руки.

– Нет! – закричала Лила в отчаянии. – Мне просто нужно подкраситься, вот и все. Я не так уж плохо себя чувствую, не нужно судить об этом по моему виду. – Она пожалела о том, что позволила Еве зайти к ней в комнату и увидеть ее.

Ева покачала головой.

– В постель, Лила. Сию же минуту.

Из многолетнего опыта Лила знала, что заставить Еву изменить принятое ею решение не было никакой возможности. За ее хрупкой внешностью и ласковым голосом скрывалась железная воля римского императора.

Лила неохотно позволила Еве уложить себя в постель. Улегшись, она почувствовала большое облегчение, но не стала признаваться в этом Еве.

– Пожалуйста, Ева, – заговорила она с мольбой в голосе,

– я полежу немного, но никакого доктора, хорошо? Я уверена, что через час-другой мне будет лучше. Я просто должна немного отдохнуть.

Ева вздохнула:

– Значит, это молодой человек. На сегодня у тебя назначено важное свидание, ведь так?

– Ну... да, – созналась Лила. – Но ты не понимаешь, Ева...

Ева рассмеялась:

– Очень хорошо понимаю, милая. Я знаю, что тебе трудно в это поверить, но когда-то мне было столько лет, сколько теперь тебе.

– Значит, ты позволишь мне пойти? – спросила Лила слабым голосом.

– Нет, – твердо ответила Ева. – Тебе просто придется позвонить ему и перенести встречу на другой вечер. Единственным мужчиной, с которым ты сегодня встретишься, будет доктор Джонсон.

Лила застонала:

– Тебе не стыдно быть злодейкой, стоящей на пути у настоящей любви?

Ева чуть заметно улыбнулась:

– Лила, если он порядочный молодой человек, то он подождет.

«Это правда», – подумала Лила. Кроме того, это был не просто обычный парень. Это был Джек, ее жених. Что такое был один вечер по сравнению с долгими годами совместной

жизни, ожидающими их впереди? Джек обязательно поймет.

– Твоя взяла, – сказала она Еве, протянув руку за лежащим на тумбочке листом бумаги, на котором Джек записал для нее свой адрес и номер телефона. Ева подала ей телефонный аппарат, и Лила набрала номер. Они с Джеком просто выберут другой вечер, чтобы отпраздновать их помолвку.

Джессика повесила трубку телефона в верхнем холле, улыбаясь так, как будто она только что выиграла миллион долларов. Она сразу же влетела в комнату сестры и плюхнулась на кровать, где сидела Элизабет, просматривая сигнальный экземпляр последнего номера «Оракула». Щеки Джессики горели от возбуждения.

Элизабет подняла на нее глаза.

– Постой, дай я угадаю, – сказала она, поддразнивая сестру. – Ты только что закончила разговор с королевой Англии.

– Нет, лучше! – ответила Джессика. Ее зеленовато-голубые глаза лучились от счастья. – Мне только что звонил Джек.

– И? – Элизабет вопросительно подняла бровь. – Он рассказал Лиле о ваших отношениях?

– Конечно. И мы сейчас отправляемся отпраздновать это событие. Неужели ты хоть на одну минуту сомневалась, что он расстанется с ней? Подожди, нет, лучше ничего не отвечай, Лиз, – слегка нахмурилась Джессика. – Но ты не должна была сомневаться в этом. – Джессика умолчала о том, что

она и сама не была в этом очень уверена, так как в субботу Джек ей так и не позвонил. Но теперь все ее сомнения исчезли.

На лице Джессики появилась лукавая усмешка.

«Зачем парню терять время с Лилой, если он может провести его со мной?» – Она провела рукой по волосам, имитируя «роковую женщину».

Элизабет шутливо ударила ее по руке.

– Да, дорогая, ты так неотразима, что мужчины ломятся к нам в дом, чтобы хоть одним глазком взглянуть на тебя. Ты ведь почти так же красива, как и я. – Элизабет, подражая Джессике, тоже приняла позу «роковой женщины».

– Так же красива, как и ты, Лиз? – спросила Джессика с притворным изумлением. – Этого не может быть! – Сестры повалились на кровать со взрывом хохота.

– Ну вот, совсем другое дело, – сказала, все еще смеясь, Джессика и в свою очередь шутливо хлопнула ее по плечу. – А то в последнее время ты ходишь с такой мрачной миной на лице, просто тоска берет смотреть на тебя. Правда, глядя на твою физиономию, можно было подумать, что завтра для тебя настанет конец света.

Эти слова Джессики тут же напомнили Элизабет о том, что не давало ей покоя весь день.

«Не завтра, – подумала она, – а сегодня. И не для меня, а для Инид». Лицо ее опять стало грустным.

Джессика стукнула себя по лбу тыльной стороной ладони.

– Ну что у меня за язык! – сказала она. – Лиз, извини. Я не хотела, чтобы ты снова впала в меланхолию, но теперь-то что тебя так гнетет? Ты ведь разделалась с этой дополнительной работой для «Оракула», разве нет?

Лицо Элизабет несколько просветлело.

– Да, я скоро отнесу Пенни сигнальный экземпляр, и он выйдет превосходно, хотя, может быть, и не мне судить об этом. Хочешь взглянуть? – Она протянула газетные листки Джессике, надеясь, что та не будет допытываться до истинной причины ее плохого настроения. Даже если бы Элизабет и могла рассказать кому-нибудь о том, что ее волнует, то уж во всяком случае не Джессике: ведь сестра не посочувствует Инид – на это не было ни малейшего шанса.

Элизабет потихоньку облегченно вздохнула, когда Джессика взяла газету и стала ее просматривать. Теперь, может быть, она перестанет приставать к ней с расспросами.

Джессика без всякого внимания пробежала глазами новости и остановилась на «Глазах и ушах», колонке школьных сплетен, которую писала ее Элизабет. Эту часть газеты Джессика любила больше всего и не упускала возможности с гордостью упомянуть при случае, что автором этой колонки была ее сестра.

– Хммм, – задумчиво произнесла она, – этот новый чемпион по плаванию – это ведь Джейми Дункан, недавно приехавший сюда из Флориды? А почему ты раньше не рассказала мне о нем и об Эмили Майер?

– Ты меня не спрашивала, – спокойно ответила Элизабет.
– К тому же сейчас ты узнала об этом.

– Как могло у них это случиться так быстро? – спросила Джессика.

– Похоже на то, что Джейми был полностью покорен, увидев Эмили в группе «Друиды», она исполняла партию барабана, – объяснила сестре Элизабет.

«Друиды» были самым популярным в этих местах школьным оркестром, которому прочили большое будущее.

– После концерта он отправился за кулисы, познакомился с ней, ну а дальше...

Джессика тихонько присвистнула.

– Он время попусту не теряет, этот Джейми. – Задумавшись на мгновение, Джессика с любопытством взглянула на Элизабет. – Знаешь, Лиз, иногда ты меня просто поражает. Я хочу сказать, что ты ведь никогда не сплетничаешь, не обращаешь внимания на всякие дурацкие слухи, но как-то незаметно ухитряешься все знать. Как тебе это удается? – В словах Джессики послышалось восхищение.

Элизабет скромно пожала плечами.

– В этом и состоит работа журналиста, – ответила она. – Ты же знаешь все эти речевки и все, что вы делаете в команде болельщиц; а я должна знать все, что происходит в школе, раз я работаю в «Оракуле».

– Все равно это не объясняет, как ты это делаешь, – заметила Джессика. – Но, как бы там ни было, скоро ты смо-

жешь написать в этой колонке о своей собственной сестре и ее новом поклоннике, занимающем очень важное положение в обществе, – сказала Джессика с довольным видом.

Элизабет закатила глаза:

– О да. Переодетый аристократ. – Хотя ее отношение к Джеку в последнее время несколько смягчилось, она все еще продолжала думать, что все эти разговоры о том, что он чуть ли не принадлежит к королевской семье, не имели под собой никакой почвы.

Но Джессика была слишком поглощена мыслями о Джеке, чтобы уловить нотку сарказма в голосе сестры. Она вздохнула.

– Это же так интересно, правда? – сказала она, совсем забыв о газете, которую держала в руке. – И я уверена, что сегодня я буду точно знать, кто он такой! Только представь себе это, Лиз. Покрывало тайны будет наконец снято с моего принца.

Элизабет осторожно высвободила экземпляр «Оракула» из пальцев Джессики и положила его к себе на колени.

– Полагаю, он поведет тебя сегодня в какое-нибудь роскошное заведение, как и пристало королевской особе? – заметила она.

– Нет, и этим-то мне и нравится Джек. Он не пользуется именем или состоянием своей семьи. Каждый пенни, который он тратит, он зарабатывает своими собственными руками. Как все обычные люди. Ну разве это не благородно?

– О боже, – шепотом пробормотала Элизабет.

Но Джессика ничего не слышала. Все ее мысли были заняты предстоящим свиданием.

– Поэтому он ведет меня обедать к «Гвидо». Просто фантастика, да?

В этом Элизабет была согласна с сестрой.

«У «Гвидо» самая лучшая во всей Калифорнии, а может, и не только в Калифорнии пицца», – подумала она.

– Это здорово, Джес, – подтвердила Элизабет.

Но у нее было такое ощущение, что, скажи она, что кафе сегодня сгорело дотла, Джессика бы и тогда ее не услышала. На губах ее блуждала отрешенная улыбка, и она, казалось, была где-то далеко, в своем собственном мире – мире, созданном только для двух людей: Джек там был принцем, а Джессика – его единственной принцессой.

Джессика положила себе на тарелку последний кусок пышной пиццы, пропитанной томатным соусом и итальянским сыром, с шестью разными уложенными сверху начинками.

– Какую оценку ты бы присудила этой пицце по десятибалльной шкале? – спросил Джек.

Джессика откусила маленький кусочек и стала медленно его пережевывать, как бы стараясь по справедливости оценить все его достоинства.

– Девять и девять десятых, – объявила она наконец.

– Неплохо, – сказал Джек, рассмеявшись. – А где еще одна десятая?

Джессика слизнула с пальцев нежный ароматный соус.

– Ну, абсолютного совершенства не бывает – пошутила она.

«Может быть, такое понятие применимо лишь к тебе», – прибавила она про себя.

Джек в этот день выглядел бесподобно в своем темно-коричневом свитере, из-под которого виднелась желтая рубашка, оттенявшая его волосы цвета спелой пшеницы. При каждом взгляде на него на Джессику накатывала волна восторженного обожания.

– Ты знаешь, Джессика, – заметил Джек, – в этом я с тобой

не согласен. Мне кажется, что абсолютное совершенство все-таки возможно.

– Да? – сказала Джессика, оперев голову на локоть и глядя ему в лицо. – И ты с ним сталкивался?

В глазах Джека появилось отрешенное выражение.

– Одно время моя семья жила на побережье Карибского моря. Я не помню, говорил ли я тебе об этом, но у нас есть там маленький коттедж.

– В самом деле? – Джессика сразу же представила себе, как она, в своем потрясающем бикини, лежит на песчаном частном пляже, недалеко от поражающего своим великолепием дворца, который Джек скромно называл маленьким коттеджем. – Там должно быть чудесно, – сказала она.

– Да, это действительно райское место, – подтвердил Джек. – Так вот, однажды мы с Валери решили заняться подводным плаванием с лодки. День выдался чудесный – ясный, солнечный, с легким ветерком. А вода была чистой, прохладной, цвета яркой бирюзы, как твои глаза.

Джек помолчал и так улыбнулся Джессике, что от этой улыбки ее сердце стало выделять такие салты, которым бы позавидовал олимпийский чемпион.

– Это был один из тех дней, когда у тебя появляется предчувствие, что сегодня произойдет что-то необыкновенное, – продолжал Джек. – Так и случилось. Мы с Валери обнаружили удивительный коралловый риф. И там, под водой, перед нами открылся какой-то волшебный подводный мир: ничего

подобного я раньше не видел. Светящиеся, как неоновые огни, рыбки, вся эта причудливая экзотическая морская растительность и пробивающиеся сквозь толщу воды солнечные лучи. – Глаза Джека взволнованно заблестели. – Я знаю, что тебе это может показаться странным, но у нас появилось такое чувство, что мы, как Христофор Колумб, открыли новый материк. В этом подводном царстве не было никого, кроме нас двоих. В тот день мне показалось, что я знаю, каким бывает полное совершенство...

Джек вдруг умолк на полуслове, пристально глядя на что-то за спиной Джессики. Его лицо исказила странная гримаса, в которой Джессике померещились и страх и ненависть одновременно.

Джессика резко повернулась и увидела, что в кафе вошел высокий красивый Николас Морроу в сопровождении долгового рыжеволосого парня, которого Джессика раньше не видела. Они сели через несколько столиков от них, возле искусственного водопада у дальней стены пиццерии.

– Джек, в чем дело? – с тревогой спросила Джессика, вертясь на стуле, чтобы видеть и Джека, и Николаса с его приятелем. – Это как-то связано с Николасом? – Она вдруг вспомнила, как странно повел себя с ним Джек на вечеринке у Лилы.

– Нет, Николас тут не при чем, – ответил Джек.

Но в его голосе Джессике послышалась такая же злоба, как и в тот вечер, когда она впервые заговорила с ним о его

отношениях с Лилой.

Глаза его стали мутными, и он с такой силой схватился за край стола, что побелели костяшки пальцев. Казалось, что в нем происходит какая-то внутренняя борьба.

«Почему? – с недоумением подумала Джессика. – Может быть, он пытается совладать с собой и не дать охватившей его ярости вырваться наружу?»

Как и в тот вечер, Джессике вдруг стало страшно. Но злобное выражение исчезло с лица Джека так же внезапно, как и появилось. Глаза его опять стали ясными, и выражение лица смягчилось.

– Николас тут совсем не при чем, – повторил он, на этот раз более убедительно.

Джессика немного успокоилась. В этот момент Николас заметил их и помахал им рукой. Джессика помахала в ответ, но Джек опустил голову, стараясь не встречаться с Николасом глазами.

– Джессика, – сказал он, и в его голосе опять прозвучало внутреннее напряжение, – если ты готова идти, то я, пожалуй, пойду и расплачусь. Встретимся у машины, хорошо?

– Хорошо, – ответила Джессика в недоумении, слегка покраснев от растерянности.

Что-то тут было не так. Джек, который до этого был таким спокойным и уверенным в себе, вдруг повел себя совсем не по-джентльменски. По-видимому, все это было как-то связано с Николасом и его приятелем, так как Джек старательно

избегал встречи с ними.

Но почему? Она не смогла задать ему этот вопрос, так как он почти бегом бросился через весь зал к кассе и уже платил за их обед.

Ничего не понимая, Джессика встала и вслед за ним пошла к выходу. Проходя мимо Николаса, она остановилась, чтобы поздороваться с ним и его другом.

Николас представил ей своего рыжеволосого спутника.

– Джессика, это Дэвид Мэтсон, он приехал ко мне пого-
стить с Восточного побережья.

– Рада с тобой познакомиться, – сказала она рассеянно.

Глаза ее были устремлены на Джека, уже направившегося к дверям.

– Мы вместе с Дэвидом в прошлом году заканчивали шко-
лу, – добавил Николас.

Джессика его почти не слышала.

– Это интересно, – пробормотала она, глядя, как Джек уже исчез за дверью. – Послушайте, мне не хочется быть невежливой, но меня ждут, извините. – Торопливо попрощавшись, она выбежала на улицу.

Он стоял, опершись о свой старый «рэмблер», и теперь казался более спокойным, чем несколько минут назад.

– Я должен принести тебе извинения за свое поведение, Джес, – сразу же сказал он, взяв ее за руку. – Я думаю, ты ждешь от меня объяснений.

Джессика не возражала. Их сегодняшняя встреча начина-

ла приобретать какой-то весьма неприятный характер, и ей это совсем не нравилось. Если Джек сможет дать разумное объяснение всем этим странностям, может быть, все опять будет по-прежнему, и они проведут этот день так же романтично, как и в прошлый раз.

– Дело в том, – начал он, – что мне кажется, будто я встретился с этим приятелем Николаса.

– С Дэвидом? – спросила Джессика. Джек скривил губы.

– Да, с Дэвидом. Так вроде бы его зовут. Я испугался, что он узнает меня и все это в конце концов дойдет до моего отца. Джессика, я прошу у тебя прощения за свое странное поведение. Я надеюсь, что ты меня понимаешь. – На его лице опять появилась улыбка, от которой трепетало ее сердце, и его манеры опять стали безупречными.

У Джессики вырвался вздох облегчения. Для такого поведения у Джека была уважительная причина. Слава богу. Может быть, он вел себя слишком уж эмоционально, ну так что ж? Да, его нельзя считать полным идеалом. Но он бесподобно красив. И кроме того, он из знатного рода, напомнила она себе. Джес ослепительно улыбнулась ему в ответ.

– Извинения приняты, – сказала она, решив больше не вспоминать об инциденте в пиццерии. – Ты так и не закончил своего рассказа о коралловом рифе, который вы обнаружили. – Эту свою фразу она завершила быстрым поцелуем.

Джек притянул ее к себе и стал долго и нежно целовать.

– Да, коралловый риф, – сказал он, когда губы их разо-

мкнулись. – Я там сделал несколько прекрасных подводных снимков. Они у меня дома, и ты можешь их посмотреть, если зайдешь ко мне.

– К тебе домой? – Джессика колебалась только одну секунду. – Конечно, я с удовольствием зайду ненадолго. Я сказала Лиз, что мы, может быть, встретимся с ней и Тоддом и с другими ребятами на озере Секка. Но думаю, что сначала мы можем зайти к тебе ненадолго, почему бы и нет? – сказала она, отбрасывая всякую осторожность.

Правда, говорят, что не следует идти домой к парню, с которым ты знакома всего пару недель. Ну и пусть себе другие осторожничают. И Джек слишком красив, чтобы обижать его отказом. К тому же у него дома она наверняка найдет что-то говорящее о его прошлой жизни – фотографии его родственников и их семейного особняка или монограммы на каких-то его вещах. Да, у него дома будет проще всего узнать, кто он такой.

– Ну так чего же мы ждем? – спросила Джессика, забравшись в его машину.

Николас Морроу, сидя в ожидании заказанной пиццы, озабоченно покачал головой.

– Я беспокоюсь о Джессике, – сказал он Дэвиду. – В этом парне, с которым она здесь была, есть что-то такое, что меня очень настораживает.

Дэвид провел рукой по волосам.

– Настораживает? – переспросил он. – В каком смысле?

– Вот в этом-то и загвоздка, – ответил Николас. – Я и сам никак не могу этого объяснить. Когда я увидел его на одной вечеринке пару недель назад, мне показалось, что мы с ним когда-то встречались. Когда я спросил его, не кажется ли ему знакомым мое лицо, он чуть ли не набросился на меня с кулаками, утверждая, что видит меня первый раз в жизни. Но до этого он слишком уж пристально смотрел на меня.

– Потом, уже через несколько дней после этого, я встретился с ним в торговой аллее. Я поздоровался, но он повел себя так, будто совсем меня не знает. Я напомнил ему, что мы с ним познакомились на вечеринке, но он промямлил что-то невразумительное и поспешил уйти. Он вел себя так, будто был пьян или не в себе. Я не знаю – мне он кажется очень странным.

– Понимаю, что ты не стал бы этого говорить, не имея для этого оснований, – сказал Дэвид. – Но у тебя нет никаких фактов.

Николас засмеялся:

– Что же еще можно услышать от человека, готовящегося стать юристом? Значит, ты считаешь, что все это я просто должен выбросить из головы?

– Ну... нет, не совсем. Но может быть, ты должен держаться ближе к фактам? Где же все-таки ты мог с ним раньше встречаться?

– Я не могу сказать это с полной уверенностью, – ответил Николас, – но он мне очень напоминает парня, которого я

видел на территории нашей школы в течение первых двух недель после моего приезда туда. Ты сам-то не узнал его?

– Я взглянул на него только мельком, – сказал Дэвид, – когда ты им помахал, а он к тому же как раз опустил голову. Но теперь я припоминаю, что его лицо в самом деле показалось мне вроде бы знакомым.

– Ну вот! – торжественно воскликнул Николас. – Значит, я был прав. Он таки ходил в одну школу с нами!

– Может быть, – согласился Дэвид. – Но при каких обстоятельствах я мог его видеть? – Наморщив лоб, он тщетно пытался вспомнить, где мог встречаться с этим парнем.

– Меня удивляет, почему Джек так упорно настаивал на том, что никогда раньше меня не видел? – размышлял Николас.

Вдруг веснушчатое лицо Дэвида стало белым как полотно.

– Николас, – сказал он хрипло, – как ты сказал его зовут? Николас заметил тревогу в глазах друга.

– Джек, – ответил он обеспокоенно, – я не знаю его фамилии!

– Ты был прав, – сказал Дэвид, теперь уже испуганным шепотом. – Он действительно ходил с нами в школу до того, как его выгнали. И твою приятельницу Джессику могут ждать большие неприятности.

– Что ты имеешь в виду? – в голосе Николаса тоже послышался страх.

– Это случилось, когда тебя только что перевели к нам из

другой школы, так что ты мог и не услышать об этом. Но один из учеников, Джек, – да, я почти уверен, что это он, – ограбил девушку, угрожая ей ножом, девушку, с которой он встречался.

– О боже! – с ужасом вымолвил Николас. – Я не могу этому поверить. Я догадывался, что он плохой человек, но никогда не думал... – Юноша ошеломленно замолчал, когда до его сознания дошел полный смысл сказанного Дэвидом.

– Это правда, – сказал Дэвид. – Девушка не стала подавать на него в суд, но из школы его исключили сразу же.

Николас вскочил и схватил друга за руку.

– Дэйв, мы должны найти Джессику и предупредить ее!

Они со всех ног кинулись к джипу Николаса, и не прошло и минуты, как они уже выезжали со стоянки.

– Уэйкфилды, нам нужно ехать к Уэйкфилдам, – сказал Николас, гоня машину к их дому. – Может быть, там кто-нибудь знает, куда они собирались пойти после обеда.

Джип накренился на повороте, и шины с визгом проскрежетали по асфальту.

– Дэвид, ты допускаешь, что та история может повториться? – спросил Николас, охваченный паникой.

– Я не знаю, Николас. – Дэвиду тоже с трудом удавалось сохранять спокойствие. – После этого случая про него рассказывали странные вещи.

– Какие, например? – Николас выжал педаль сцепления до отказа.

– Ну, насколько я могу припомнить, он был кем-то вроде; современных доктора Джекиля и мистера Хайда. Большую часть времени он был отличным парнем – милым, вежливым, общительным. Но временами он становился просто бешеным и полностью терял над собой контроль.

– Почему? – спросил Николас.

– Это грустная история, – начал Дэвид. – За несколько лет перед тем, как он поступил в нашу школу, вся его семья погибла, когда затонул их катер. Там была и его младшая сестра, с которой он был особенно близок. Говорили, что после их смерти Джек стал спасаться от реальности в придуманном им фантастическом мире, где его сестра была жива, а он сам мог быть тем, кем хотел. Это приняло еще более тяжелую форму, когда его дядя, с которым он жил после смерти своих родителей, собрал достаточно денег, чтобы отправить его в нашу частную школу. Это было примерно за полтора года до твоего приезда, – объяснил Дэвид. – Ты знаешь, сколько в нашей школе было детей из богатых семей? – спросил Дэвид.

Это было, скорее, констатацией факта, чем вопросом. Николас и сам был из очень обеспеченной семьи.

– Так вот, по-видимому, Джек и своих фантазиях представлял себе, что его семья была еще более богатой и знатной, чем другие. Он начал рассказывать о себе всякие небывлицы. И скоро, мне кажется, он и сам начал верить своим выдумкам.

– Да, грустная история, – пробормотал Николас, сворачи-

вая на дороге, ведущую к дому Уэйкфилдов.

– Но это еще не самое худшее, – мрачно продолжал Дэвид. – Двойную жизнь вести непросто. И он пристрастился к наркотикам, но это еще больше усложнило его жизнь.

– Это объясняет, почему он был не в себе, когда я встретился с ним в торговой аллее, – заметил Николас, качая головой. – Что было дальше?

– По-видимому, он начал воровать, чтобы покупать наркотики, а также разные вещи, чтобы соответствовать тому имиджу, который он для себя выдумывал. Он, к примеру, всегда безупречно одевался.

– Да, это он делает и сейчас. – Николас подъехал к дому Уэйкфилдов, и они с Дэвидом выскочили из джипа.

– Самое удивительное во всей этой истории, – закончил свой рассказ Дэвид, – что, несмотря на наркотики, он смог так долго вводить всех в заблуждение. Этот парень – превосходный актер, в этом нет ни малейших сомнений. Та девушка рассказывала своим друзьям, что он ни на минуту не выходил из своей роли. Но однажды она стала задавать ему слишком много вопросов, на которые ему было трудно ответить, и он запутался в собственной лжи. Тогда – вот тогда-то мистер Хайд взял в нем верх, и он превратился в очень опасного субъекта...

Николас звонил в дом Уэйкфилдов с перекошенным от волнения лицом.

– Остается только молиться о том, чтобы нам удалось най-

ти Джессику до того, как это с ней случится.

Элизабет выходила из дому Айала с улыбкой на лице. Все прошло как нельзя лучше. Пенни, гордясь талантом своей младшей сестры, тут же, не сходя с места, назначила ее штатным фотографом «Оракула».

Тина бросилась ей на шею, сознавшись, что она из-за своего глупого упрямства не хотела признать, какая у нее замечательная старшая сестра.

Теперь, пройдя через лужайку перед их домом и усевшись в «фиат», Элизабет радовалась тому, что все так хорошо кончилось. Это несколько отвлекло ее от печальных мыслей об Инид и Джордже.

Она включила зажигание и стала разворачивать машину. Внезапно из-за угла выскочил джип, взвизгнули тормоза, и он резко остановился, преградив путь Элизабет. Она повернула голову, чтобы узнать, что происходит.

– Лиз, слава богу, мы нашли тебя! – Выскочив из машины, к ней опрометью бежал Николас Морроу, а за ним Дэвид. – Твой отец сказал нам, что ты можешь ненадолго остановиться здесь, прежде чем ехать на озеро Секка.

Она увидела тревогу, застывшую в зеленых глазах Николаса, и ее сердце сильно забилось в предчувствии беды.

– Николас, в чем дело? Что случилось?

Николас торопливо рассказал ей все, и она страшно побледнела.

– Боже мой, Николас! Джессика сейчас с Джеком!

– Мы знаем, – сказал Дэвид. – Мы только что видели, как они ушли из пиццерии «Гвидо». Мы подумали, что ты можешь, зная, куда они собирались потом.

Элизабет покачала головой:

– Они могут быть где угодно. И, зная свою сестру, могу с уверенностью предположить, что она как раз донимает его расспросами о его происхождении. – Элизабет вспомнила, что перед уходом говорила ей сестра:

«Уверена, что сегодня я буду точно знать, кто такой Джек на самом деле».

– И если Джессика будет слишком настойчиво требовать ответа на свои вопросы, – мрачно сказал Николас, – это может для нее очень плохо кончиться.

– Тодду и ребятам на озере придется подождать. Николас, мы не можем терять ни минуты! – В голосе Элизабет звучала паника. – Но у меня нет ни малейшего представления о том, откуда начинать ее поиски.

Джессика окинула взглядом небольшую, убого меблированную комнату, которую Джек называл своим домом.

– Это, конечно, не хоромы, – сказал Джек, будто читая ее мысли, – но за все это я плачу сам, не обращаясь к отцу ни за помощью, ни за деньгами.

– Это заметно, – ответила Джессика, стараясь скрыть свое разочарование.

Она рассчитывала увидеть здесь хоть какой-то намек на его прошлую жизнь. Но в комнате не было ничего, кроме потертого ковра на полу, покрытом линолеумом унылой расцветки, ветхого комода, маленького столика и двух дешевых стульев с каркасами из алюминия и старого раскладного дивана. Джессика неуверенно присела на край одного из стульев. Ей никогда еще не приходилось бывать в таком жалком жилище.

Джек присел на диван и пристально посмотрел на Джессику.

– В чем дело? – спросил он. – Ты же хотела посмотреть, где я живу, разве нет?

Джессика кивнула:

– Просто это не совсем то, что я ожидала увидеть.

– Да? – спросил Джек.

На какую-то долю секунды Джессике показалось, что

взгляд его стал таким же мутным, как в пиццерии «Гвидо», но тут же снова прояснился, так что она решила, что это ей просто померещилось.

– Знаешь, от роскоши устаешь, если она окружает тебя всю жизнь, – объяснил Джек.

– В самом деле? – тихим голосом спросила Джессика.

– Да. Но ты пришла сюда не за тем, чтобы говорить об этом, – продолжал Джек, снова старательно избегая разговоров о его прошлом. – Ты пришла сюда, чтобы увидеть мои подводные снимки. – Он открыл дверцу какого-то шкафчика и стал искать там фотографии.

Джессика попыталась заглянуть ему через плечо в надежде увидеть там что-либо напоминающее о его прошлом, но он был так забит самыми разными вещами, что разглядеть там что-нибудь не было никакой возможности.

– Ага! Вот они! – С верхней полки Джек вытащил наконец большой альбом, и при этом на пол упала какая-то фотография.

Джессика подняла ее. Это была фотография светловолосой девочки одиннадцати или двенадцати лет, с такими же, как у Джека, глубоко посаженными глазами и такой же, как у него, улыбкой.

– Это кто, твоя сестра? – спросила Джессика.

Девочка стояла перед самым обычным желтым двухэтажным домом.

Джек бросил альбом на стол и почти грубо вырвал фото-

графию у Джессики.

– Да, это Валери, – сказал он каким-то натянутым тоном.

Джессика взглянула на него с удивлением. Для воспитанного человека слишком уж много он допускал сегодня бестактностей. Она попыталась сказать что-то, чтобы разрядить ставшую вдруг напряженной атмосферу.

– Она очень хорошенькая, – заметила она осторожно.

– Да... – Какая-то странная тоска прозвучала в его голосе.

– У тебя есть другие ее снимки? – спросила Джессика.

– Нет! – рявкнул Джек.

Теперь Джессика отчетливо увидела ту самую мутность в его глазах.

– Послушай, – сказала она, – вероятно, мне лучше уйти.

Джек опустился на диван и сделал несколько глубоких вдохов.

– Не уходи, – сказал он. – Я в самом деле хочу, чтобы ты увидела эти подводные снимки. Остайся, пожалуйста, – добавил он с подкупающей искренностью.

Он опять стал прежним Джеком, тем самым Джеком, который назвал ее именем звезду. Но теперь Джессика была настороже. Сколько еще этих его странных вспышек сможет она выдержать?

– Я не знаю, Джек... – начала она. Джек протянул ей руку.

– Джессика, я хочу быть с тобой. – На его лице появилась та самая, неотразимая улыбка. – Пожалуйста.

– Ну... хорошо, – согласилась Джессика.

В конце концов, она так долго ждала этого момента, чтобы Джек принадлежал только ей, а Лила осталась лишь тенью в воспоминаниях о прошлом. Ей не хотелось, чтобы все ее усилия пошли насмарку.

Рассматривая фотографии, Джессика не пожалела о том, что осталась. Они в самом деле были прекрасны, и она почувствовала, что Джек опять стал ей близок.

Но все-таки она была сильно разочарована. У Джека, по-видимому, не было ни малейшего намерения открывать ей свою тайну. Судя по всему, если она не возьмет это в свои руки, она уйдет отсюда, так ничего и не узнав.

В ее голове уже созрел план действий, и она сказала:

– Джек, могу я воспользоваться ванной комнатой?

– Конечно. Она там, – ответил Джек, указывая рукой, куда ей пройти.

– Никуда не уходи, – пошутила Джессика, подмигивая ему.

Она прошла в ванную и, плотно закрыв за собой дверь, приступила к поискам. Стараясь делать это бесшумно, она стала быстро открывать все шкафчики и заглядывать во все уголки и щели в полу. Должно же здесь что-то быть: бритвенный прибор с выгравированными золотыми инициалами или пузырек с лекарством, на котором будет написана его фамилия. Джессика открывала чемоданы на молнии, шарилась за каждой трубой, заглядывала во все банки и даже в душевую кабину.

Наконец в маленьком шкафчике под раковиной она обнаружила какую-то прямоугольную коробку и с нетерпением открыла крышку. То, что она там увидела, заставило ее ужаснуться. Наркотики. Все виды наркотиков. Отнюдь не лекарства, выписанные врачом, которые она надеялась найти. В коробке были пилюли самых разных цветов и размеров, банка с беловатым порошком, полный полиэтиленовый пакет марихуаны, трубки, курительная бумага и разные другие принадлежности, о назначении которых она ничего не знала. Но то, что она увидела, говорило о многом. Именно в этом крылась причина странного поведения Джека. А он еще говорил о хлорке, которая якобы разъела ему глаза в бассейне. Его мутные красные глаза и эти вспышки раздражения – всему этому теперь нашлось объяснение. Ей со всей очевидностью стало ясно, что Джек – вовсе не тот человек, за которого он себя выдает. Внезапно ее охватил гнев, и она выбежала из ванной, чтобы все ему выложить.

– Почему ты ничего не говорил мне об этом? – закричала она, все еще держа в руках коробку.

Она вбежала в комнату как раз в то время, когда Джек запустил руку в ее сумку, и вид у него был виноватый.

– О боже! – завопила она. – Теперь еще и это! Что тебе нужно в моей сумке?

– Не кричи, Джессика, я все тебе объясню, – ответил Джек. – Я искал спички. У меня газовая плита, которую нужно зажигать спичками. – Он указал на маленькую двух кон-

форочную плиту в углу комнаты. – Я собирался угостить тебя чаем.

Но Джессика уже была сыта по горло его объяснениями. Она как будто внезапно прозрела.

– Ну, а что ты скажешь об этом? Это ты тоже можешь объяснить? – Она потрясла коробкой, которую держала в руке.

Джек, по-видимому, заметил ее только сейчас и смертельно побледнел.

– А что ты скажешь о деньгах, которые пропали из моей сумки в тот вечер, когда мы ходили в кино? Объясни мне и это. А запонки отца Лилы, что ты о них скажешь? – Все части этой головоломки становились на свои места с пугающей скоростью.

– Джессика, перестань. Замолчи, не говори больше ни слова! – Тон его вдруг стал угрожающим.

– Почему же? Тебе неприятно слышать правду о себе, ты, мошенник? – гневно крикнула ему Джессика.

В ту же секунду Джек бросился на нее. Она изо всех сил пыталась вырваться, но он оказался слишком сильным.

– Извини! Я не хотела тебя обидеть. Я беру все свои слова назад! – От страха по щекам ее потекли слезы. Но внутри у Джека, казалось, лопнула какая-то пружина. Он был неумолим. Свалив Джессику на пол, он железной хваткой сжал ее горло. Она почувствовала, что задыхается.

Дрожащими пальцами Элизабет набрала номер Лилы Фаулер. Это был ее последний шанс найти Джессику. Они

уже побывали на смотровой площадке, ездили по городу, были в торговой аллее – «рэмблер» Джека как сквозь землю провалился. Теперь, стоя в телефонной будке возле кинотеатра, Элизабет затаила дыхание и молча молилась.

После третьего гудка Лила сняла трубку.

– Алло? – произнесла она скрипучим слабым голосом.

– Лила? Это Лиз Уэйкфилд. Ты в порядке?

– О, привет, Лиз. Нет, я заболела. У меня грипп, – сказала Лила жалобно. – Только что был врач.

– О, мне жаль это слышать, – ответила Элизабет. – И мне жаль, что приходится тебя беспокоить, но у меня экстренный случай. Мне срочно нужен адрес Джека. – В ее голосе отчетливо слышалась тревога.

Внезапно Лила сорвалась на резкий, истеричный крик:

– Джек? Что случилось с Джеком?

– С Джеком ничего не случилось, Лила, – поспешила успокоить ее Элизабет. – Что-то очень плохое может случиться с Джессикой. Я ищу ее.

– Да? – теперь Лила успокоилась. – Но что может Джессика делать у Джека? – спросила она с неподдельным удивлением.

Элизабет глубоко вздохнула. Разговор с Лилой оказался более трудным, чем она ожидала.

– Она с ним встречалась – сказала наконец Элизабет, решившись говорить всю правду, ничего не скрывая.

На дипломатию у нее не было времени. На другом конце

провода повисло долгое молчание.

– Лила? Лила, ты меня слышишь? – спросила Элизабет.

Ей необходимо было узнать его адрес и как можно скорее.

– Предательница! – завизжала Лила. – Как она могла? – Элизабет отодвинула трубку от уха, но вопли Лилы все равно были слышны. – Я ее убью. Клянусь, убью!

У Элизабет не было времени слушать до конца гневную тираду Лилы. На счету была каждая секунда.

– Лила! – закричала она в трубку. – Послушай меня. Тебе он все равно не нужен.

– Что ты хочешь этим сказать? – завопила Лила, не дав Элизабет возможности продолжать. – Ты ничего не знаешь о наших отношениях.

– Но я знаю о Джеке то, чего не знаешь ты. Лила, он просто мошенник. И притом еще опасный.

– Что?! – В трубке раздался полный ужаса крик Лилы.

– Я сожалею, Лила. Я знаю, как тебе больно это слышать.

Элизабет предпочла бы, чтобы эту новость она узнала не от нее. Но сейчас ей было не до того, чтобы переживать по этому поводу. Сейчас на карту была поставлена жизнь Джессики. Она быстро пересказала Лиле все, что узнала о Джеке.

Когда Лила заговорила снова, ее голос был тихим и спокойным. Но это напоминало затишье перед бурей.

– Элизабет, Джек живет на Виноградской улице, в доме тридцать восемь, возле железнодорожных путей.

– Спасибо, Лила. Ты даже не можешь себе представить,

как ты мне помогла. – Элизабет надеялась повесить трубку до того, как Лила опять разразится гневным монологом.

– И послушай, Лиз. Когда ты найдешь Джессику, скажи ей, что она оказала мне огромную услугу.

Когда Лила швырнула трубку, Элизабет выскочила из будки. Она знала, что в особняке Фаулеров уже разразилась буря, но она получила то, что ей было сейчас жизненно необходимо, – адрес Джека.

– Поезжайте за мной! – крикнула она Николасу и Дэвиду, торопясь к своему «фиату».

Элизабет, срезая повороты, неслась по улицам Ласковой Долины с такой скоростью, как будто участвовала в автомобильных гонках «Индианаполис-500». Уже через несколько минут она пересекла железнодорожные пути, повернула на Виноградную улицу и резко затормозила перед домом тридцать восемь. Она, Николас и Дэвид бросились в открытую дверь.

Но, оказавшись внутри, они растерялись. В холле было восемь почтовых ящиков. Это означало, что здесь было восемь квартир. В какой из них живет Джек?

Элизабет попыталась прочесть имена на почтовых ящиках, но на большинстве из них были написаны только фамилии, а на некоторых – не было совсем никаких надписей.

– Барт Парнелло, – громко прочла Элизабет. – Квартира два Б. Думаю, что он нас не интересуется. И. К. Спенсер, квартира три А – тоже. Но остаются еще шесть квартир. – Ее

охватила паника. – Что же нам делать?

– Я думаю, что нам придется стучать во все двери: у нас нет другого выхода, – мрачно заметил Николас.

Втроем они прошли чуть дальше внутрь этого старого темного здания и позвонили в первую попавшуюся на их пути квартиру. Дверь никто не открыл. Они позвонили снова и уже собирались идти к следующей двери, когда услышали слабый звук шагов. Дверь приоткрылась, и на них уставился плотный мужчина в нижней рубашке и спортивных шортах.

– Что вам надо? – зарычал он. – Я смотрю интересную передачу по телевизору.

– Мы очень сожалеем, сэр, – сказала Элизабет, – но мы ищем одного парня, который живет в этом доме. Его зовут Джек.

– Не знаю такого! – рявкнул мужчина, собираясь закрыть дверь.

Элизабет с молниеносной быстротой поставила вперед ногу так, что ее ступня оказалась в дверном проеме. – Пожалуйста, – умоляла она его, – вы должны нам помочь.

– Слушай! – заорал этот тип. – Тебя никто сюда не звал. Так что исчезни. Понятно?

– Мне понятно только то, что вы самый грубый и скверный человек из всех, встречавшихся на моем пути! – закричала Элизабет в ответ.

Горькие слезы бессилия потекли по ее щекам. Они теряли ценные секунды. От отчаяния Элизабет бросилась на дверь,

заставив ее открыться чуть шире, и шагнула внутрь.

– Послушайте, мне очень жаль, что я вас побеспокоила, но мне нужна ваша помощь. И вы не сможете отделаться от меня, пока я ее не получу.

– Слушай, я могу взять тебя в охапку и вышвырнуть отсюда, – сказал хозяин квартиры.

– Парню, которого мы ищем, около восемнадцати лет, он высокий, с русыми волосами, – отважно продолжала Элизабет, не обращая внимания на его угрозы.

– Если я скажу тебе, что парень вроде этого живет в квартире четыре Б, оставишь ты меня наконец в покое?

Ответа ему ждать не пришлось. Элизабет, Николас и Дэвид уже неслись вверх по лестнице на последний этаж.

– Что ты хочешь сделать со мной? – спросила Джессика сквозь рыдания. Джек разжал пальцы на ее горле, но все еще держал ее пригвожденной к полу, прижав коленом ее грудную клетку.

– Ах, Джессика, – сказал Джек пугающе спокойным тоном, – зачем ты была такой любопытной? Ты мне в самом деле нравилась.

– Но, если я тебе нравлюсь, ты ведь отпустишь меня, правда? – У Джессики от страха стучали зубы.

– Я сказал «нравилась», Джессика. Не очень-то было хорошо с твоей стороны рыться в моих вещах.

– Я сожалею об этом. Клянусь тебе! – молила Джессика.
– Пожалуйста, пожалуйста, отпусти меня.

– Увы, Джессика, праздник кончился. Если я дам тебе уйти, ты всем расскажешь о том, что произошло.

– Нет, обещаю тебе, я ничего не скажу. Позволь мне уйти домой. Я никому не скажу ни слова.

– Джессика, я устал от переездов из города в город. Здесь, в Ласковой Долине, у меня дела сложились очень неплохо, и я никому не позволю все это мне испортить.

– Я не сделаю этого. Пожалуйста, Джек, не трогай меня, – охваченная ужасом, говорила Джессика.

– Я не могу рисковать, Джессика. Я должен быть уверен в том, что ты не заговоришь.

Внезапно за дверью раздался крик, сопровождаемый громким стуком в дверь.

– Джес, Джессика, ты там?

– Лиз! – крикнула Джессика. – Лиз, помоги мне! – Уголком глаза она видела, как поворачивается ручка и дверь дрожит, но, запертая на засов, она не открывалась.

– Лиз, она заперта! – закричала она в отчаянии.

– Не бойся, Джессика! – послышался низкий баритон Николаса Морроу.

Никогда еще ее так не радовал звук его голоса.

– Мы вызволим тебя, даже если нам придется выломать эту дверь. – Вместе с Дэвидом они начали колотить по двери, чтобы ослабить засов.

Затаив дыхание, Джессика следила за тем, как старый, плохо закрепленный засов начинает поддаваться.

Но Джек тоже следил за дверью.

– Остановитесь! – скомандовал он. – Или я убью Джессику.

Через тонкую дверь голос его был ясно слышен в холле. Стук по двери тут же прекратился.

– Нет, продолжайте! – завопила Джессика. – Вы уже почти открыли ее!

Шум у двери возобновился.

– Ты пожалеешь об этих своих словах! – С мутными от злобы глазами он рывком поднял Джессику с пола и поволок ее в крошечную кухню в дальнем конце квартиры.

Схватив ее одной рукой, он протянул другую руку к пластмассовой банке с кухонными принадлежностями и выхватил оттуда большой нож.

У Джессики вырвался душераздирающий вопль.

– Тихо! – приказал Джек, приставляя нож к ее шее.

Но в эту минуту засов, наконец, был сорван, и в комнату влетел Николас, а за ним – Элизабет и Дэвид. Джессика не успела и моргнуть, как Николас уже бросился на Джека, пытаясь выхватить у него нож. Джессика сумела при этом вырваться, а Джек и Николас схватились в борьбе за нож. Когда оба они повалились на пол, Дэвид подскочил на помощь другу, но вырвать нож из руки Джека было не так-то просто: Джек сопротивлялся со страшной маниакальной силой. Размахнувшись, он задел Николаса острием ножа, рубашка на его плече порвалась, и на белой ткани появились алые пятна

крови.

Это побудило Джессику к действию. Заставив себя снова приблизиться к Джеку, она, вспомнив свои тренировки в команде болельщиц, метко двинула ногой по его руке. Нож, отлетев на несколько метров, упал на потертый ковер.

После этого обезвредить Джека было делом нескольких секунд. Бросившись вперед, Элизабет схватила нож. Здоровой рукой Николас нанес Джеку мощный удар в солнечное сплетение, и, когда тот согнулся пополам, Дэвид схватил его за руки и завел их назад.

Джессика была в безопасности. А с таинственного принца Ласковой Долины было Сорвано покрывало тайны.

Некоторое время спустя в полицейском участке Ласковой Долины дежурный офицер печатал показания Джессики о событиях, которые произошли несколькими часами ранее. Вместе с Джессикой здесь были ее родители, Элизабет, Дэвид и Николас с перевязанным плечом. Рана, к счастью, оказалась неглубокой.

Время от времени включалась, потрескивая, полицейская рация с сообщениями патрульных бригад.

– Надеюсь, что Джека запрут покрепче и выбросят ключ, – сказала все еще вне себя от ярости Джессика, подписывая протокол, положенный перед ней офицером.

Нед Уэйкфилд положил руку на плечо дочери.

– Джес, дорогая, я знаю, что это было для тебя ужасным испытанием, и нет ничего удивительного в том, что ты испытываешь к Джеку такие мстительные чувства, но, откровенно говоря я считаю, что этого несчастного мальчика не стоит упрячивать за решетку: тут будет более кстати квалифицированная медицинская помощь.

– Папа нрав, – вмешалась в разговор Элис Уэйкфилд. – Есть специальные клиники, где лечат таких, как Джек. Может быть, если бы он попал туда пораньше, ничего этого бы не случилось.

– Этого бы не случилось, если бы я не была такой идиот-

кой и не отправилась к нему смотреть эти дурацкие подводные снимки, – корила себя Джессика.

– Джессика, эти фотографии были сделаны не Джеком, – сообщила сестре Элизабет. – Дэвид говорит, что у них в школе была девочка, увлекавшаяся подводным плаванием, и эти снимки, по-видимому, принадлежали ей.

Дэвид утвердительно кивнул.

– И здесь вранье. Я должна была это знать. Я должна была это почувствовать. Но где там! Я забыла обо всем на свете, радуясь тому, что мой новый парень – такая важная птица. Какая же я дура! – Джессика опустила голову, не зная, куда деваться от стыда.

– Это не твоя вина, Джес. Он очень хитрый и изощренный лжец, – сказала Элизабет. – В этом нет никаких сомнений. Он мог бы одурачить кого угодно.

– Лиз, это очень великодушно с твоей стороны, но не надо меня успокаивать, – сказала сестре Джессика. – Ведь тебя-то он не смог обмануть. Ты знала, что в нем есть что-то странное. Нет, только я могла так слепо ему довериться.

– Ты не должна винить себя, Джес. – Теперь уже Николас попытался ее утешить. – Наоборот, ты должна собой гордиться. Ведь это ты отняла у Джека нож. Если бы не ты, кто знает, что могло бы случиться?

– Ты у нас героиня дня! – добавила Элизабет.

На губах Джессики появилось некое подобие улыбки.

– Ты думаешь?

– Ну конечно же, глупышка, – ответила сестра.

Теперь Джессика уже улыбнулась пошире.

– Так, может быть, героиня заслуживает того, чтобы в ее честь был устроен праздничный ужин? – спросила она.

– Узнаю свою Джессику, – сказал Нед Уэйкфилд и рассмеялся.

– Означает ли это «да»?

– Джес, если у тебя есть такое желание, скажи, куда тебе хочется пойти, и мы все вместе отправимся туда вечером.

Но Джессика так и не успела ответить – в это мгновение заговорила полицейская рация, передающая экстренное сообщение: «Терпит бедствие легкий самолет. Район озера Секка. Повторяю: терпит бедствие легкий самолет. Бортовой номер ВА три-два-девять. Пилот – Джордж Уоррен».

Элизабет застыла в ужасе. Джордж и Инид! Испытание еще не кончилось!